

ISSN 1810-4088

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

2022;17(1)

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
IURIDICHSKII ANALITICHESKII ZHURNAL
JURIDICAL ANALYTICAL JOURNAL

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ

Журнал издается с 2001 г. Выходит 4 раза в год.

Тематика журнала:

теория и история права и государства; история учений о праве и государстве – 12.00.01,
конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право – 12.00.02,
гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право – 12.00.03,
финансовое право; налоговое право; бюджетное право – 12.00.04,
уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право – 12.00.08,
уголовный процесс – 12.00.09,
международное право, европейское право – 12.00.10,
административное право; административный процесс – 12.00.14,
гражданский процесс; арбитражный процесс – 12.00.15.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся, в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и одностороннее слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией.

Главный редактор

Трещева Евгения Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Заместитель главного редактора

Юдин Андрей Владимирович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Научные редакторы

Агаларова Мария Андреевна, канд. юрид. наук, кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Сержантова Лидия Александровна, канд. юрид. наук, кафедра уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. +7(846) 3345406
E-mail: yuazh@ssau.ru
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета
Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*
Литературное редактирование, корректура
Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет
Т.А. Мурзинова
Информация на английском языке
М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-78550 от 10.07.2020 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Прежнее свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-7591 от 19.03.2001 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

ISSN 1810-4088

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии ООО «Прайм»

443544, Российская Федерация, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49.

Подписано в печать 30.03.2022. Выход в свет 15.04.2022.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 7.

Тираж 200 экз. (первый завод – 55 экз.). Заказ №

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Редакционная коллегия:

Абдуллин Адель Ильсиярович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой международного и европейского права; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация;

Андряшко Марина Васильевна, канд. юрид. наук, доцент, кафедра общеправовых дисциплин и государственного управления; Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь;

Арабаев Автандил Анисович, д-р юрид. наук, проф., вед. научный сотрудник Института философии и политико-правовых исследований; Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика;

Безверхов Артур Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Самарского университета, зав. кафедрой теории и истории государства и права и международного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Бортник Сергей Петрович, д-р юрид. наук, доцент, директор института права; Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация;

Велиева Джамила Сейфаддин Кызы, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного и международного права; Поволжский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация;

Воронцова Ирина Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, кафедра гражданского процессуального права; Российский государственный университет правосудия (Казанский филиал), г. Казань, Российская Федерация;

Гамбарян Артур Сиреканович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики; Российско-Армянский университет, г. Ереван, Республика Армения;

Джансараева Рима Еренатовна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики; Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан;

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна, д-р юрид. наук, проф., кафедра уголовного права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация;

Исаенкова Оксана Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процесса; Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация;

Качалова Оксана Валентиновна, д-р юрид. наук, доцент, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия; Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация;

Кленова Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и криминологии; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Михайлова Ирина Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского и предпринимательского права; Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация;

Поваров Юрий Сергеевич, канд. юрид. наук, доцент, кафедра гражданского и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Попович Витомир, академик, д-р права, проф.; Университет в Бания-Луке, г. Бания-Лука, Босния и Герцеговина;

Полянский Виктор Владимирович, канд. юрид. наук, проф., зав. кафедрой государственного и административного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Радован Давид, д-р права, доцент, кафедра гражданского права, помощник судьи Конституционного Суда Республики Чехия; Университет им. Т. Масарика, г. Брно, Чешская Республика;

Савельев Константин Анатольевич, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Салкиевич-Муннерлин Эва, д-р права, проф., кафедра международного права; Академия Анджея Фрича Моджевского, г. Краков, Республика Польша.

© Самарский университет, 2022

ISSN 1810-4088

**JURIDICAL
ANALITICAL
JOURNAL**

2022;17(1)

Remit of the journal:

theory and history of law and state; history of doctrines about law and state – 12.00.01,
constitutional law; constitutional litigation; municipal law – 12.00.02,
civil law; business law; family law; international private law – 12.00.03,
financial right; tax law; budget law – 12.00.04,
criminal law and criminology; penal law – 12.00.08,
criminal procedure – 12.00.09,
international law, european law – 12.00.10,
administrative law; administrative process – 12.00.14,
civil procedure; arbitration process – 12.00.15.

The main conceptual task of the journal is the publication of articles by authors of the level of candidates and doctors of science, as well as practicing lawyers, referring, among other things, to works published in journals included in the list of the Higher Attestation Commission, Scopus and WoS.

All articles are reviewed in the program “Antiplagiat” and **one-way peer-reviewed** by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor

Trescheva, Evgeniya Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editor

Yudin, Andrey Vladimirovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Science editors

Agalarova, Mariya Andreevna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Serzhantova, Lidiya Alexandrovna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Criminal Procedure and Criminalistics; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 3345406

E-mail: yuazh@ssau.ru,

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Publisher address: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

T.A. Murzinova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media ПИ № ФС 77-78550 as of 10.07.2020 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

The former Certificate on registration of means of mass-media ПИ № 77-7591 as of 19.03.2001 is given by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

ISSN 1810-4088

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Author's articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed from OOO “Praim”

49, Polevaya Street, Volzhskiy district, village Kurumoch, Samara region, 443544, Russian Federation.

Passed for printing 30.03.2022. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 7.

Circulation 200 copies (first printing – 55 copies). Order №

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Editorial staff

Abdullin, Adel Ilsiayrovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of International and European Law; Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation;

Andriyashko, Marina Vasilievna, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of General Legal Disciplines and State Management; Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus;

Arabaev, Avtandil Anisovich, Doctor of Law, professor, leading researcher of the Institute of Philosophy and Political and Legal Research; National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic;

Bezverkhov, Artur Gennadievich, Doctor of Law, professor, director of the Law Institute of Samara University, head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Bortnikov, Sergey Petrovich, Doctor of Law, associate professor, director of the Institute of Law; Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation;

Velieva, Dzhamila Seyfaddin Kyzy, Doctor of Law, professor, head of the Department of Constitutional and International Law; Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russian Federation;

Vorontsova, Irina Viktorovna, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Procedural Law; Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation;

Gambaryan, Artur Sirekanovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law, Institute of Law and Politics; Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia;

Dzhansaraeva, Rima Erenatovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics; al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan;

Inogamova-Khegay, Lyudmila Valentinovna, Doctor of Law, professor, Department of Criminal Law; Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation;

Isaenkova, Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Process; Saratov State Law University, Saratov, Russian Federation;

Kachalova, Oksana Valentinovna, Doctor of Law, associate professor, head of the scientific direction of research of problems of criminal proceedings, Scientific center of the research of problems of justice; Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation.

Klenova, Tatyana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Mikhailova, Irina Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil and Business Law; Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation;

Povarov, Yuriy Sergeevich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Popovich, Vitomir, Academician, Doctor of Law, professor; University of Banja Luka, Banja Luka, Republic of Srpska;

Polyanskiy, Victor Vladimirovich, Candidate of Juridical Sciences, professor, head of the Department of State and Administrative Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Radovan, David, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Law, assistant judge of the Constitutional Court of the Czech Republic; Masaryk University, Brno, Czech Republic;

Savelev, Konstantin Anatolievich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science; Samara University, Samara, Russian Federation;

Salkiewicz-Munnerlyn, Ewa, Doctor of Law, professor, Department of International Law; Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University, Krakow, Republic of Poland.

СОДЕРЖАНИЕ**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО****Артур Г. Безверхов, Иван Ю. Беляев**

Международные нормативные правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ

7

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**Оксана В. Качалова**

Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве зарубежных стран

13

УГОЛОВНОЕ ПРАВО**Юрий С. Норвартян**

Воспрепятствование оказанию медицинской помощи: уголовно-правовой анализ

24

Ата Г. Корпеев

Об объекте преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, по уголовному законодательству России и Туркменистана

29

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО**Элеонора Г. Балашова**

О предпринимательском риске

34

ТРУДОВОЕ ПРАВО**Светлана В. Осипова**

Применение дисциплинарных взысканий: теория и практика

44

Требования к оформлению статей

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

Arthur G. Bezverkhov, Ivan Y. Belyaev

International regulatory legal acts in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances

7

CRIMINAL PROCESS

Oksana V. Kachalova

Procedural agreements in criminal proceedings of foreign countries

13

CRIMINAL LAW

Yuriy S. Norvartyan

Obstruction of delivery of health care: criminal and legal analysis

24

Ata G. Korpeyev

On the object of crimes committed using information and telecommunication networks, according to the criminal legislation of Russia and Turkmenistan

29

ENTREPRENEURIAL LAW

Eleonora G. Balashova

About entrepreneurial risk

34

LABOUR LAW

Svetlana V. Osipova

Applications of disciplinary penalty: theory and practice

44

Requirements to the design of articles

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.4

Дата поступления: 15.01.2022
рецензирования: 03.03.2022
принятия: 27.03.2022

Артур Г. Безверхов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Иван Ю. Беляев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Международные нормативные правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ

Аннотация: в статье анализируются международные нормативные правовые акты, посвященные противодействию незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. Установлено, что международная система контроля за оборотом наркотиков и сходных с ними веществ выстраивается на основе трех нормативных правовых актов: Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 года, Конвенции ООН о психотропных веществах 1971 года и Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Данные документы предусматривают как принципы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, так и конкретные меры, направленные на пресечение их незаконного оборота. Дается сравнительный анализ нормативного материала международных конвенций и российского уголовного законодательства в части соотношения запрещенных и ограниченных в обороте средств и веществ. В настоящей статье также исследуются универсальные принципы установления системы регистрации психотропных веществ, а также порядка проверки деятельности научных лабораторий, производителей, экспортеров и распространителей, чья деятельность связана с психотропными веществами. Методологическая основа статьи проявляется через формально-юридический и сравнительно-правовой методы. В результате проведенного исследования обнаружено, что отечественные списки контроля включают в себя гораздо больше наркотических средств и психотропных веществ, чем предусмотрено международными конвенциями. Делается вывод, что международное и внутригосударственное право должны разумно соотноситься в части количества закрепленных наркотических средств и психотропных веществ в целях наиболее эффективного противодействия глобальной наркотизации общества.

Ключевые слова: международное право; соотношение международного и российского права; преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ; наркотизм; наркотики; психотропные вещества.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Безверхов, Артур Г., Иван Ю. Беляев. 2022. “Международные нормативные правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ”. *Юридический аналитический журнал* 17 (1): 7–12. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-7-12>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© Артур Г. Безверхов, Иван Ю. Беляев, 2022

Артур Г. Безверхов, д.ю.н., профессор, директор юридического института, заслуженный юрист Российской Федерации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

Иван Ю. Беляев, специалист по учебно-методической работе юридического института, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.01.2022

Revised: 03.03.2022

Accepted: 27.03.2022

Artur G. Bezverkhov Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Ivan Yu. Belyaev Samara National Research University, Samara, Russian Federation

International regulatory legal acts in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances

Abstract: The article analyzes international normative legal acts dedicated to combating illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances. It has been established that the international system of control over the circulation of drugs and similar substances is built on the basis of three normative legal acts: the United Nations Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, the United Nations Convention on Psychotropic Substances of 1971 and the United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic substances in 1988. These documents provide for both the principles of combating illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances, and specific measures aimed at suppressing their illicit trafficking. A comparative analysis of the normative material of international conventions and Russian criminal law is given in terms of the ratio of prohibited and restricted drugs and substances. This article also examines the universal principles for establishing a registration system for psychotropic substances, as well as for the verification of the activities of scientific laboratories, manufacturers, exporters and distributors whose activities are related to psychotropic substances. The methodological basis of the article is manifested through the formal legal and comparative legal methods. As a result of the study, it was found that domestic control lists include much more narcotic drugs and psychotropic substances than provided for by international conventions. It is concluded that international and domestic law should be reasonably correlated in terms of the number of fixed narcotic drugs and psychotropic substances in order to most effectively counter the global drug addiction of society.

Key words: international law; correlation of international and Russian law; crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances; narcotism; narcotics; psychotropic substances.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

Citation: Bezverkhov, Arthur G., Ivan Yu. Belyaev. 2022. "International regulatory legal acts in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and similar substances". *Juridical Analytical Journal* 17(1): 7–12. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-7-12>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© *Arthur G. Bezverkhov, Ivan Yu. Belyaev, 2022*

Artur G. Bezverkhov, Doctor of Laws, professor, head of the Institute of Law, honored lawyer of the Russian Federation, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

Ivan Yu. Belyaev, specialist in educational and methodological work of the Institute of Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

Введение

Основными международными нормативными правовыми актами в сфере противодействия не-

законному обороту наркотических и сходных с ними средств и веществ являются Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 го-

да (далее – Конвенция 1961 г.)¹, Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 года (далее – Конвенция 1971 г.)², Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года³. Данные нормативные правовые акты выстраивают систему международно-правового контроля за оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, на основании которых отдельными государствами заключаются региональные и двусторонние соглашения в сфере борьбы с незаконным оборотом данных средств и веществ.

Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года

Конвенция 1961 г. устанавливает принципы международного контроля за оборотом наркотических средств. Целью данного нормативного правового акта является содействие сотрудничеству между государствами в принятии эффективных мер против злоупотребления наркотическими средствами, а также в ограничении потребления данных средств. Ведущее значение Конвенции 1961 г. для развития международного права в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего данный документ определяет незаконный оборот наркотиков как нарушение правил, предусмотренных Конвенцией; определяет организацию централизованного международного контроля над производством и оборотом наркотиков, осуществляемого Комиссией по наркотическим средствам Экономического и Социального Совета ООН и Международным комитетом по контролю за наркотиками, созданным в соответствии с Конвенцией. Конвенция 1961 г. включает в себя четыре списка контролируемых средств, а также предусматривает возможность расширения отдельными государствами данного перечня (пункт 8 статьи 2 Конвенции 1961 г.). Список I содержит все наркотические средства (например, кокаин и дезоморфин) за

исключением Списка II, который содержит в себе менее опасные наркотики, но в отношении которых нет изъятий из общего порядка контроля (например, кодеин и этилморфин). Список III содержит наркотические средства, которые могут использоваться в терапевтических целях и в отношении которых контроль является смягченным (например, препараты кодеина). Список IV содержит в себе наркотики, подпадающие под самый строгий контроль и неприменимые ни для каких медицинских целей (например, героин и тиофентанил). Любое изменение перечня наркотических средств или психотропных веществ осуществляется путем внесения изменений в соответствующие официальные источники.

Порядок признания средства наркотическим также закреплен в тексте Конвенции 1961 г. Государство или Всемирная организация здравоохранения направляет уведомление о необходимости включения средства в списки контроля Генеральному секретарю ООН; Генеральный секретарь ООН препровождает данное уведомление и сведения, относящиеся к предмету рассмотрения, в Комиссию ООН по наркотическим средствам с дополнительным уведомлением Всемирной организации здравоохранения (если требование об изменении списков контроля направляло государство); Комиссия ООН по наркотическим средствам рассматривает направленные материалы и выносит одно из следующих решений: о включении средства в соответствующий список контроля, об отказе во включении средства в списки контроля, о направлении материалов для рассмотрения вопроса о возможности законного применения средства в терапевтических целях.

Конвенция 1961 г. также закрепляет необходимость получения разрешения на экспорт и импорт наркотических средств. С принятием данного международного документа контроль также устанавливался над культивацией кокаинового куста и конопли (по примеру контроля за культивацией мака).

По мнению ряда исследователей, Конвенция 1961 г. представляет собой первый международно-правовой акт, содержащий в себе систему норм, выступающих в качестве фундамента борьбы с наркотизмом в международном масштабе (Гасанов 2000, 60). Протокол о поправках к Конвенции 1961 г., принятый в 1972 году, направлен на усиление противодействия незаконному производству наркотических средств, предусматривает создание системы реабилитации и лечения наркоманов, а также

¹ Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

² Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 года. https://www.incb.org/documents/psychotropics/conventions/convention_1971_ru.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

³ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

формирует систему превенции употребления наркотиков. Например, пункт «а» части 1 статьи 14 предусматривает положение о возможности консультаций между отдельными государствами и Комитетом в случае если существуют основания полагать, что государство в силу различных обстоятельств может стать центром торговли или производства наркотических средств: «Если какая-либо Страна или страна, или территория, выполняющая постановления настоящей Конвенции, стала важным центром незаконного культивирования, производства или изготовления, или незаконного оборота или незаконного потребления наркотических средств и если имеется доказательство наличия серьезной опасности того, что данная Страна или страна, или территория может стать таким центром, Комитет имеет право предложить заинтересованному правительству приступить к консультациям». В случае непредставления Комитету необходимых сведений Комитет обращается в Совет с целью координации действий международного сообщества по пресечению нарушений положений Конвенции. В случае если есть основания полагать, что какое-либо государство может стать центром торговли или незаконного производства наркотических средств, Комитет может рекомендовать участникам Конвенции приостановить всяческий ввоз или вывоз наркотических средств в данное государство до тех пор, пока наркоситуация в нем не стабилизируется (часть 2 статьи 14 Конвенции 1961 г.).

Также Конвенция 1961 г. предусматривает, что стороны должны предпринимать все возможные меры для ознакомления населения с проблемами злоупотребления наркотическими средствами. Предусматривается ознакомление лиц, чья профессиональная деятельность связана со взаимодействием с наркотическими средствами, а в случае если проблема злоупотребления ими принимает глобальные масштабы – ознакомление всего населения. Данное ознакомление осуществляется посредством региональных научно-исследовательских и просветительских центров (статья 38 бис Конвенции 1961 г.).

Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 года

Следующим нормативным правовым актом, формирующим международную систему контроля за незаконным оборотом наркоти-

ческих средств и сходных с ними веществ, является Конвенция 1971 г. Принятие данной Конвенции, посвященной установлению контроля над психотропными веществами, связано с возрастающим беспокойством мирового сообщества о расширении злоупотребления психотропными веществами. В Преамбуле Конвенции 1971 г. отмечается, что для эффективности мер против злоупотребления психотропными веществами необходимы скоординированные и универсальные действия государств в рамках ООН. Данной Конвенцией устанавливаются принципы контроля за оборотом психотропных веществ по образцу Конвенции 1961 г. Предусматриваются меры, направленные на предотвращение злоупотребления психотропными веществами (статья 20 Конвенции 1971 г.); меры, направленные на запрещение незаконного оборота данных веществ (статья 21 Конвенции 1971 г.). Новеллой Конвенции является установление системы регистрации психотропных веществ, а также порядка проверки деятельности научных лабораторий, производителей, экспортеров и распространителей, чья деятельность связана с психотропными веществами (Мавлянов 2019, 120). Конвенция 1971 г. также предусматривает четыре списка психотропных веществ (принцип их формирования создан по образцу Конвенции 1961 г.), являющихся частью текста Конвенции. Также предусматривается принудительное лечение потребителей психотропных веществ.

В общей сложности Конвенции 1961 г. и 1971 г. предусматривают восемь списков контроля, четыре списка наркотических средств и четыре списка психотропных веществ, которые предусматривают 118 средств и 86 веществ соответственно. Примечательно, что Российская Федерация, будучи стороной всех рассматриваемых конвенций, предусматривает гораздо более обширный перечень наркотических средств и психотропных веществ в своем внутригосударственном законодательстве. Списки контроля Российской Федерации (по состоянию на 5 декабря 2022 года) включают в себя 405 наркотических средств и 123 психотропных вещества. Все средства и вещества, предусмотренные конвенциями, включены в данные списки, однако отечественному антинаркотическому законодательству известны сотни наркотических средств и десятки психотропных веществ, которые отсутствуют в списках конвенций.

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года

Конвенция 1988 г. посвящена регулированию борьбы против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Если другие рассматриваемые конвенции формируют принципы системы контроля за незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ, то Конвенция 1988 г. носит охранительно-правовой характер. Этот нормативный правовой акт призван содействовать сотрудничеству между государствами, «с тем чтобы они могли более эффективно решать различные проблемы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, имеющего международный характер» (Преамбула Конвенции 1988 г.). В соответствии с положениями Конвенции, государства принимают все необходимые меры, включая меры законодательного и организационного характера, в соответствии с основополагающими положениями своих внутренних законодательных систем (Кодиров 2018, 124).

В соответствии с текстом данной Конвенции государства обязуются предусмотреть в своем законодательстве ряд составов преступлений, к которым относятся: производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажа, поставка на любых условиях, посредничество, переправка, транзитная переправка, транспортировка, импорт или экспорт любого наркотического средства или психотропного вещества в нарушение Конвенции 1961 г. или Конвенции 1971 г.; культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств; хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных выше. Также стороны Конвенции обязуются конфисковывать все доходы, полученные от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Конвенция 1988 г. предусматривает включение в договоры об экстрадиции между государствами положение о выдаче лиц,

обвиняемых в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Также сама Конвенция может являться таким соглашением, если двусторонние или региональные договоры об экстрадиции отсутствуют (статья 6 Конвенции 1988 г.). Пункт 12 данной статьи Конвенции предусматривает возможность «заключения двусторонних или многосторонних соглашений специального или общего характера в отношении передачи лиц, осужденных к тюремному заключению или другим видам лишения свободы, их странам, с тем чтобы они могли отбывать оставшийся срок наказания в этих странах». Приложение к Конвенции 1988 г. включает в себя две таблицы, используемые при создании составов преступлений отдельными государствами, в которых закреплены «вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических средств или психотропных веществ».

Выводы

Таким образом, Конвенции 1961 г., 1971 г. и 1988 г. являются основой системы международного контроля за незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ. В соответствии с данными конвенциями отдельные государства включают в свое законодательство как нормы о принципах контроля оборота наркотических средств и психотропных веществ, так и составы преступлений, связанных с незаконным их оборотом. Примечательно, что отечественные списки контроля включают в себя гораздо больше наркотических средств и психотропных веществ, чем предусмотрено международными конвенциями – расширение списков контроля прямо предусматривается пунктом 8 статьи 2 Конвенции 1961 г. На наш взгляд, международное и внутригосударственное право должны разумно соотноситься в части количества закрепленных наркотических средств и психотропных веществ в целях наиболее эффективного противодействия глобальной наркотизации общества. В то же время данное обстоятельство не означает, что международные и внутригосударственные списки контроля должны быть тождественны.

Библиография

Гасанов, Эльдар Г. 2000. *Борьба с наркотической преступностью. Международный и сравнительно-правовой аспекты*. Москва: ЮрИнфоР. <http://lawlibrary.ru/izdanie39348.html>.

Кодиров, Дмитрий С. 2018. “Роль международных конвенций и соглашений в регламентировании оборота наркотических средств, психотропных веществ”. *Государствоведение и права человека* 2 (10): 122–127. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36334699>. EDN: <https://elibrary.ru/ymcilj>.

Мавлянов, Абдыкапар С. 2019. “Международная борьба с незаконным оборотом наркотиков”. *Актуальные научные исследования в современном мире* 3–8 (47): 119–123. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41243602>. EDN: <https://elibrary.ru/byoydn>.

References

Gasarov, Eldar G. 2000. “Fight against narcotic crime. International and comparative legal aspects”. Moscow: IurInfoR. <http://lawlibrary.ru/izdanie39348.html>. (In Russian)

Kodirov, Dmitriy S. 2018. “Role of international conceptions and agreements in regulation the turnover of narcotic drugs, psychotropic substances”. *State studies and human rights* 2 (10): 122–127. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36334699>. EDN: <https://elibrary.ru/ymcilj>. (In Russian)

Mavlyanov, Abdikapar S. 2019. “International fight against illegal drug trafficking”. *Recent Research in the Modern World* 3–8 (47): 119–123. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41243602>. EDN: <https://elibrary.ru/byoydn>. (In Russian)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС **CRIMINAL PROCESS**

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 12.01.2022
рецензирования: 05.03.2022
принятия: 27.03.2022

Оксана В. Качалова   Российский государственный университет правосудия, г. Москва,
Российская Федерация

Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве зарубежных стран

Аннотация: процессы глобализации, протекающие в условиях современного мира, во многом обуславливают процессы правовой интеграции, взаимного влияния и взаимного проникновения национальных правовых систем. Одной из этих тенденций, характерных для большинства современных государств, является распространение процессуальных соглашений различных типов. При написании работы применялись такие методы исследования, как сравнительно-правовой, индукции, дедукции, анализа, синтеза. Автор приходит к выводу о том, что объективные наднациональные тенденции правовой глобализации и модернизации уголовного судопроизводства привели к появлению в ряде стран различных типов процессуальных соглашений. Основными признаками, дифференцирующими различные типы процессуальных соглашений, являются возможность заключения сделки относительно уголовно-правовой квалификации, вида и размера наказания; дискреция прокурора и суда при заключении соглашений; предмет и пределы процессуального соглашения; возможность проведения на основе соглашения сокращенного производства; субъекты инспирирования процессуального соглашения; позиция сторон относительно возможности заключения соглашения; необходимая полнота и степень доказывания, необходимость проведения судебного разбирательства и его характер, объем предоставляемых обвиняемому льгот и преференций (либо их отсутствие), пределы обжалования принятого решения и др. Институциональными отличиями различных процессуальных соглашений с точки зрения их условной принадлежности к классическим архетипам уголовного судопроизводства – англосаксонскому либо континентальному – являются сфера действия соглашения и пределы возможного компромисса. Модернизация постсоветского правового пространства посредством различных правовых технологий привела к возникновению и развитию в уголовно-процессуальном законодательстве бывших советских республик онтологически разных моделей процессуальных соглашений. В российском уголовно-процессуальном законодательстве существуют процессуальные соглашения континентального типа, касающиеся упрощения процедуры рассмотрения дела и не затрагивающие квалификацию содеянного. К процессуальным соглашениям могут быть отнесены досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ).

Ключевые слова: процессуальное соглашение; сделка о признании вины; согласие с предъявленным обвинением; соглашение о сотрудничестве; суд; тип уголовного процесса.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Качалова, Оксана В. 2022. “Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве зарубежных стран”. *Юридический аналитический журнал* 17 (1): 13–23. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-13-23>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Оксана В. Качалова, 2022

Оксана В. Качалова, д.ю.н., доцент, руководитель научного направления исследования судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия, профессор кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

e-mail: oksana_kachalova@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.01.2022
Revised: 05.03.2022
Accepted: 27.03.2022**Oksana V. Kachalova** Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation**Procedural agreements in criminal proceedings of foreign countries**

Abstract: The processes of globalization occurring in the modern world largely determine the processes of legal integration, mutual influence and mutual penetration of national legal systems. One of these trends, characteristic of most modern states, is the proliferation of procedural agreements of various types. When writing the work, such research methods as comparative legal, induction, deduction, analysis, and synthesis were used. The author concludes that objective supranational trends of legal globalization and modernization of criminal proceedings have led to the emergence of various types of procedural agreements in a number of countries. The main features differentiating different types of procedural agreements are the possibility of entering into a transaction regarding the criminal legal qualification, type and amount of punishment; the discretion of the Prosecutor and the court when entering into agreements; the subject and limits of the procedural agreement; the possibility of conducting reduced proceedings on the basis of the agreement; subjects of instigating a procedural agreement; the position of the parties regarding the possibility of concluding an agreement; the necessary completeness and degree of evidence, the need for a trial and its nature, the amount of benefits and preferences provided to the accused (or their absence), the limits of appeal against the decision, etc. Institutional differences between various procedural agreements in terms of their conditional belonging to the classical archetypes of criminal justice – Anglo – Saxon or continental – are the scope of the agreement and the limits of possible compromise. The modernization of the post-Soviet legal space through various legal technologies led to the emergence and development of ontologically different models of procedural agreements in the criminal procedure legislation of the former Soviet republics. In Russian criminal procedure legislation, there are procedural agreements of a continental type that simplify the procedure for considering a case and do not affect the qualification of the offense. Procedural agreements may include a pre-trial agreement on cooperation (Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure), a special procedure for judicial proceedings (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure), and an abbreviated inquiry (Chapter 32.1 of the Code of Criminal Procedure).

Key words: procedural agreement; plea bargain; consent to the charge; cooperation agreement; court; type of criminal process.

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

Citation: Kachalova, Oksana V. 2022. "Procedural agreements in criminal proceedings of foreign countries". *Juridical Analytical Journal* 17(1): 13–23. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-13-23>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Oksana V. Kachalova, 2022*

Oksana V. Kachalova, Doctor of Laws, associate professor, head of the scientific direction of judicial research of the Scientific Center for the Research of Justice Problems, professor of the Department of Radutnaya Criminal Proceedings Law, Russian State University of Justice, 69, Novocheremushkinskaya Street, Moscow, 117418, Russian Federation.

e-mail: oksana_kachalova@mail.ru

Введение

Процессы глобализации, протекающие в условиях современного мира, во многом обуславливают процессы правовой интеграции, взаимного влияния и взаимного проникновения национальных правовых систем. Эти процессы совершенно справедливо определяются исследователями как объективно необходимые (Бондарь 2011, 181–186). В контексте вышесказанной тенденции взаимное влияние национальных правовых доктрин, концептуальных

подходов в уголовно-процессуальной и иных сферах правового регулирования становится все очевиднее. Одной из этих тенденций, характерных для большинства современных государств, является распространение процессуальных соглашений различных типов (Thaman 2010; Rauxloh 2014).

Основное исследование

Основными признаками, дифференцирующими различные типы процессуальных со-

глашений, являются: возможность заключения сделки относительно уголовно-правовой квалификации, вида и размера наказания; дискреция прокурора и суда при заключении соглашений; предмет и пределы процессуального соглашения; возможность проведения на основе соглашения сокращенного производства; субъекты инспирирования процессуального соглашения; позиция сторон относительно возможности заключения соглашения; необходимая полнота и степень доказывания, необходимость проведения судебного разбирательства и его характер, объем предоставляемых обвиняемому льгот и преференций (либо их отсутствие), пределы обжалования принятого решения и др.

При всем множестве подобного рода критериев системообразующими, на наш взгляд, являются лишь некоторые из них. Базовыми для всех типов процессуальных соглашений (за редким исключением) выступают лояльность обвиняемого по отношению к предъявленному обвинению (признание вины, формальное согласие с предъявленным обвинением, отказ оспаривать обвинение, соглашение о наказании) и сокращение процедуры доказывания применительно к досудебной и/или судебной стадиям процесса. Институциональными отличиями различных процессуальных соглашений с точки зрения их условной принадлежности к классическим архетипам уголовного судопроизводства – англосаксонскому либо континентальному – являются сфера действия соглашения и пределы возможного компромисса (Качалова 2015, 62–63).

Процессуальные соглашения в США

Сфера действия англосаксонского варианта процессуальных соглашений, сформированного в условиях приоритета процессуального права над материальным и главенства принципа состязательности, распространяется на материальное право – уголовно-правовую квалификацию содеянного, которая не является константой, не обусловлена непосредственно фактическими обстоятельствами дела и может быть установлена в результате соглашения сторон вне зависимости от происшедшего. В основе «сделок о признании вины» в США (plea bargaining) лежит идея, в соответствии с которой при отсутствии правового спора между государством, представляемым государственным обвинителем, и обвиняемым, добровольно признавшим свою вину, судебное исследование доказательств не требуется (Смирнов 2000, 136–141). Состязательная процедура предполагает возможность вынесения

приговора при отсутствии уголовно-правового спора сторон.

Американские ученые определили, что основные концептуальные идеи, положенные в основу сделок о признании вины, отмечаются еще на самых ранних этапах развития системы общего права (Vogel 2007, 18–21). Однако до середины XIX в. в системе американского правосудия подобные сделки встречаются достаточно редко, не образуя значимого правового явления (Fisher 2003, 230; Alshuler 1983, 48).

Как показали исследования американских ученых, количество уголовных дел, рассмотренных при заключении «сделок о признании вины», достигало максимальных показателей в те годы, когда резко увеличивался уровень преступности (Fisher 2003, 53). Официально институт сделки был закреплен в 1974 г. в Федеральных правилах уголовного судопроизводства. В 1975 г. процедура plea bargaining была одобрена Верховным Судом США как не противоречащая конституционным принципам правосудия (Criminal justice in the US 1970–1975).

Существование института сделки в уголовном судопроизводстве США значительным образом обусловлено особенностями правовой системы данного государства, отличительным признаком которой является возможность сторон контролировать ход процесса, в том числе и отказаться от права вести дело в суде (Бернам 2006, 164–172).

В контексте реализации принципа диспозитивности, непосредственно вытекающего из состязательного характера процесса, представляющий государственное обвинение прокурор имеет широкие дискреционные полномочия по распоряжению обвинением, а обвиняемый – корреспондирующее ему диспозитивное право признать вину по предъявленному обвинению либо нет. В случае согласия обвиняемого признать свою вину стороны, как правило, заключают соглашение, содержание которого может быть разным в зависимости от характера и тяжести преступления, вида заключаемой сделки и характера обсуждаемого сторонами сотрудничества. В соответствии с п. е) 11-го правила Федеральных правил уголовного судопроизводства США¹ условиями соглашения, заключаемого между обвиняемым и прокурором, выступают, с одной стороны, признание вины обвиняемым, с другой – действия прокурора, которые могут заключаться в сокращении объема либо тяжести обвинения или в смягчении

¹ The Federal Rules of Criminal Procedure. <http://www.uscourts.gov/uscourts/rules/criminal-procedure.pdf>.

наказания. Как правило, условием сделки является не только признание обвиняемым своей вины в совершении преступления, но и возмещение ущерба потерпевшему. Инициатива по заключению сделки может исходить как от прокурора, так и от защитника; суд обычно не участвует в процессе переговоров (Качалова 2015, 54).

Выделяют несколько разновидностей сотрудничества (Уайнреб 1985, 104): «превращение в свидетеля обвинения», основное содержание которого заключается в даче показаний против соучастников, и сотрудничество в рамках соглашения о признании вины. Разновидностью сделки является заявление подсудимым ходатайства об отказе оспаривать предъявленное обвинение (*nolo contendere*). Эта процедура по своей правовой природе близка к российскому особому порядку принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ).

Судебное разбирательство при заключенных сделках имеет особую форму, при которой доказательства в суде не исследуются, рассмотрение дела в суде складывается из двух последовательно сменяющих друг друга этапов – предъявления обвинения и определения осужденному меры наказания. Питер Х. Солон-младший пришел к выводу о том, что для многих обвиняемых избегание сложностей обычного порядка судопроизводства и скорейшее завершение суда являются достаточным основанием для такого ходатайства, независимо от возможности назначения более мягкого наказания (Питер).

Основная критика «сделок о признании» заключается в том, что в ее основе лежит «торг» между стороной защиты и стороной обвинения, а уголовное правосудие рассматривается как «рыночная система», позволяющая одной стороне обменивать свои процессуальные права (отказ от права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей) на уступки другой стороны. Это создает условия для снижения качества доказывания по уголовным делам, поскольку отпадает необходимость в добросовестном, объективном, полном и всестороннем собирании, проверке и оценке доказательств. Как отмечает У. Бернам, многие прокуроры первоначально предъявляют обвиняемому максимально возможное число пунктов обвинения, чтобы в ходе переговоров с защитой можно было бы отказаться от наиболее слабо обоснованных пунктов в виде уступки защите (Бернам 2006, 467).

Зачастую обвиняемый соглашается признать себя виновным в менее тяжком преступлении,

опасаясь, что будет осужден за более серьезное преступление, обвинение в котором ему предъявлено. Н. Кристи писал, что американцы получают наказание не за то, что они совершили, а за то, в чем они по договоренности с прокурором признались суду: «Мы вынуждаем обвиняемого признать свою вину... не загоняем иголки под ногти, не надеваем испанский сапог. В одном мы уподобляемся средневековым палачам: делаем все, чтобы обвиняемый понял... если он начнет отстаивать свои права, но все-таки будет осужден, к нему будут применены санкции несравненно более суровые» (Кристи 2001, 151).

Наряду с серьезной критикой сделок о признании на рациональном уровне существует целый ряд факторов этического характера, формирующих позитивную оценку восприятия данного института на эмоциональном уровне.

В одном из своих решений Верховный Суд США указал, что обвиняемый, заявляя о признании вины, тем самым «демонстрирует готовность начать отбывание наказания в исправительном учреждении с таким психологическим настроем, который дает надежду на его успешное перевоспитание за более короткий срок, чем потребовалось бы в противном случае» (Уайнреб 1985, 100). Американская ассоциация юристов, обосновывая полезность сделок о признании вины, указала, что предоставляемые обвиняемому «уступки открывают возможности применения альтернативных мер исправительного воздействия, которые лучше приспособлены для достижения воспитательных, охранительных и предупредительных целей исправительного воздействия или предотвращают причинение излишнего страдания обвиняемому» (Уайнреб 1985, 104). В других странах с англосаксонскими традициями признание вины также считалось отказом от спора и основанием для упрощения процесса, однако здесь такой отказ никогда не связывался с каким-либо соглашением сторон. Сделки в настоящее время предусмотрены лишь в Англии, Уэльсе и в одном из штатов Австралии – штате Виктория. Как отмечал А.В. Пинок, применяемые здесь конструкции имеют очень мало общего с американской сделкой. Заключение сделок о признании вины по американскому образцу, когда признание вины выдвигается в качестве условия для применения каких-либо предпочтений, предоставления послаблений, в этих странах традиционно критикуется; исследователями считается, что их заключение противоречит принципу соблюдения неотъемлемых прав личности, открывает возможность

для угроз, принуждения к признанию, нарушению прав человека, что может привести к результату, несовместимому с понятием «справедливое правосудие» (Пинок 2011).

Процессуальные соглашения в странах континентальной правовой семьи

В континентальной правовой семье процессуальные соглашения возникают в результате рецепции англосаксонского опыта. Как было верно отмечено, каждое из государств континентальной правовой традиции восприняло лишь те элементы рассматриваемого правового института, которые не противоречили сути сложившихся в этих государствах социальных связей (Бахновский 2008, 7).

Однако в отличие от американской модели сделки в странах континентальной правовой семьи процессуальные соглашения, несмотря на их онтологическую неоднородность, как правило, не связываются с ключевым вопросом уголовного дела – вопросом о виновности. Условия соглашения чаще всего являются следствием согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Суть классического континентального типа сделки, как правило, заключается в соглашении относительно различных вариантов процессуальной процедуры рассмотрения дела и не касается уголовно-правовых аспектов обвинения. Границы компромисса ограничиваются исключительно вопросами процедурного характера (Качалова 2015, 62–63).

Несмотря на вариативность конкретных деталей национальных моделей процессуальных соглашений, в ряде из них прослеживаются идентичные процедуры. Полагаем возможным выделить два типа соглашений – соглашения, которые упрощают процедуру рассмотрения дела, и соглашения, в основе которых лежит сотрудничество обвиняемого со следствием.

Соглашения, которые упрощают процедуру рассмотрения дела

Некоторые типы процессуальных соглашений предполагают соглашение о наказании либо существенное его снижение. К таковым относятся итальянский вариант соглашения – (*patteggiamento*) – «обозначение наказания по ходатайству сторон» (статьи 444–448 Уголовно-процессуального кодекса Италии). *Patteggiamento* применяется к делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности; стороны могут заключить соглашение о размере наказания в виде штрафа либо тюремного заключения на срок, не превышающий пяти лет лишения свободы (с возможным уменьшением наказания по таким делам до двух третей). Не-

пременным условием для заключения данного соглашения выступает согласие потерпевшего. Если последний вступает в процесс со своими требованиями, данное соглашение не может быть заключено. Соглашение, заключенное в порядке *patteggiamento*, утверждается судьей, осуществляющим контроль за предварительным следствием, либо судьей, принявшим дело к своему производству для предварительного слушания. Обвиняемый при заключении подобного соглашения может и не признавать себя виновным. Соглашение касается только лишь наказания, не предполагая договоренности о частичном отказе от предъявляемого обвинения либо изменении сути обвинения. При этом судебного доказывания не производится. Судья не должен сомневаться в виновности обвиняемого, утверждаемое им соглашение в части размера наказания должно быть соразмерным содеянному (Головкин 2002, 194). Снижение наказания в порядке *patteggiamento* предусматривается на одну треть, с обвиняемого не взыскиваются процессуальные издержки, не подлежат применению, за редким исключением, дополнительные виды наказания, устанавливаются сокращенные сроки погашения судимости. Одним из недостатков данной процедуры было названо изменение роли суда при утверждении *patteggiamento*. Изначально суд мог отклонить сделку, а с 1999 г. суд стал связан позицией обвинителя и не имеет права не утвердить соглашение (Thaman 2008).

В 2004 г. во Франции была введена процедура заявления о признании вины (статья 495-8 УПК Франции). Она применима к делам о преступлениях, наказуемых сроками до пяти лет лишения свободы. В результате этой процедуры размер наказания может быть значительно снижен, а само наказание может быть условным.

В Коста-Рике, когда подсудимый соглашается с максимальным количеством пунктов обвинения, выдвинутых стороной обвинения, в том числе и выдвинутых потерпевшими, в процедуре типа *conformidad* максимальное наказание не может превышать одной трети от максимально предусмотренного за данное преступление (статьи 373–375 УПК Коста-Рики).

Особенностями процессуальных соглашений в Сальвадоре являются: возможность их заключения по делам, наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы; наказание за преступления от шести месяцев до одного года при процедуре типа *conformidad* не может быть связано с лишением свободы;

в делах о преступлениях, наказуемых сроками от одного до трех лет, Уголовный кодекс позволяет судье отсрочить приговоры с тюремным заключением.

В Гондурасе заключение процессуального соглашения влечет за собой снижение наказания на четверть от его максимального размера.

Как отмечает С. Тейман, многие ускоренные процедуры, используемые в Европе и Латинской Америке, позволяют пропустить этап предварительного следствия и назначить судебный процесс в течение короткого периода времени, если подозреваемый сделал достоверное признание полиции или следователю во время досудебного этапа (Тейман).

В ряде стран обязательного снижения наказания при применении ускоренных процедур не предусмотрено. В Испании широко применяется процедура *conformidad* (этот институт известен еще с 1882 г.), представляющая собой еще один континентальный вариант сделки, содержание которой составляет согласие с предъявленным обвинением, квалификацией содеянного и предлагаемым стороной обвинения наказанием (статья 694–700 Уголовно-процессуального кодекса Испании). Инициатива выбора данной процедуры может исходить как от обвиняемого, так и от обвинения. Согласие с предъявленным обвинением (при этом признание вины не требуется) может быть выражено по окончании предварительного расследования, в ходе предания суду либо в подготовительной части судебного разбирательства. Перед вынесением приговора судья обязан проверить доказательства обвинения, при этом не проводя их исследования в суде. Не исключается также возможность вынесения оправдательного приговора. Но, как правило, суд выносит обвинительный приговор, утверждая меру наказания, согласованную сторонами. Никакие скидки на размер наказания не применяются (Ortells 1997, 36–42).

Современный польский вариант соглашения именуется «добровольным подчинением наказанию». Условиями его применения выступают совершение преступления небольшой тяжести, максимальное наказание за которое не превышает трех лет лишения свободы, признание обвиняемым своей вины, достижение консенсуса стороны обвинения и защиты о размере наказания, согласие с этим потерпевшего и суда. Суд может возражать против условий предложенного соглашения и рассмотреть дело в общем порядке. Снижение размера наказания при признании обвиняемым вины не предусматривается (Степаненко, Днепровская 2011).

Большинство национальных моделей процессуальных соглашений применимы к уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, но есть и исключения. Так, одна из двух основных сокращенных процедур в Италии – *abbreviato* (упрощение судебной процедуры, статьи 438–443 УПК Италии) – может быть применима ко всем категориям уголовных дел, включая дела об особо тяжких преступлениях. Исключение составляют преступления, наказанием за которые может послужить пожизненное лишение свободы (Головко 2002, 193).

Особняком среди разнообразных континентальных моделей процессуальных соглашений стоит Германия. Распространение соглашений сторон как прототипа американских сделок о признании в немецком уголовном процессе (*absprachen*) происходит на уровне правоприменительной практики. Л.В. Головко приводит несколько вариантов *absprachen*: признание вины «при условии отказа прокурора от обвинения по преступлениям, связанным с “основным” преступлением (при наличии их совокупности)», отказ защиты от заявления ходатайств об истребовании новых доказательств при условии, что наказание не будет строже того, о котором существует договоренность с обвинением (Головко 2002, 196).

Развитие практики применения *absprachen* осуществляется в контексте ряда решений Федеральной судебной палаты Германии (Верховный Суд ФРГ – *Bundesgerichtshof*) и Конституционного Суда ФРГ, которые определили основные условия, при которых становится возможным заключение подобного рода соглашений и их возможные пределы. К их числу отнесены: невозможность вынесения приговора на основании соглашения обвинения и защиты; недопустимость торговли с правосудием, возможность заключения только такого рода соглашений, которые находятся в рамках правового поля основных принципов германского уголовного права и процесса (Bogner 2000; Dubber 1997, 547–605; Herrmann 1992, 755–776).

Фактически *absprachen* представляет собой вариант применения норм уголовно-процессуального права, смягчающего ответственность в пределах, установленных уголовным и уголовно-процессуальными законами.

Как отмечал Л.В. Головко, германский вариант соглашения реализуется исключительно в рамках дискреционных полномочий прокурора, не образует новый процессуальный институт, поскольку все нормы, образующие *absprachen*,

«существуют помимо соглашений и не зависят от них», и является не более чем одним из элементов правоприменительной практики (Головко 2002, 199).

Соглашения, в основе которых лежит сотрудничество обвиняемого со следствием

В Италии это отдельная разновидность общего вида соглашений (*patteggiamento*) – соглашения о сотрудничестве с членами преступных организаций, согласных давать показания против руководителей преступного сообщества в обмен на снижение наказания. Эти сделки условно называются сделками с *pentito* – «раскаявшимися членами организованных преступных сообществ (“мафии”), нарушившими “омерту” – кодекс молчания и давших показания против боссов организации в обмен на снижение наказания» (Пиюк 2011). Они стали заключаться с середины 1980-х гг. в первую очередь по делам о преступлениях, совершенных преступными сообществами. Особенностью этих сделок стала возможность вынесения в отношении членов преступных кланов менее строгих наказаний, если они сообщали органам расследования и судьям сведения, позволившие привлечь к ответственности руководителей и членов преступных кланов. В этом случае наказание могло быть уменьшено в пять раз (Пиюк 2011).

Данная модель соглашения существует в ряде стран Латинской Америки (Никарагуа) и некоторых государствах на постсоветском пространстве (Россия, Беларусь, Казахстан, Грузия, Молдова, Литва и др.).

Процессуальные соглашения в странах постсоветского пространства

Модернизация постсоветского правового пространства посредством различных правовых технологий привела к возникновению и развитию в уголовно-процессуальном законодательстве бывших советских республик онтологически разных моделей процессуальных соглашений. Различия социальных притязаний и ментальных подходов к определению дифференциальных типов различных процессуальных институтов в странах бывшего СССР обусловили формирование ряда концептуально новых моделей процессуальных соглашений для некоторых из этих стран (Качалова 2015, 72).

Ряд процессуальных соглашений предполагает в качестве основы сотрудничество со следствием, посредством которого осуществляется раскрытие тяжких преступлений (Россия, Латвия, Грузия, Молдова).

Интересна модель процессуального соглашения в Латвии. Статья 410 УПК Латвии 2005 г.

предусматривает возможность прекращения уголовного преследования обвиняемого, заключившего соглашение о сотрудничестве, по делам обо всех преступлениях, исключая особо тяжкие, при условии, что он содействовал раскрытию преступления более тяжкого, чем то, в котором он обвинялся.

Один из вариантов данного типа соглашения – «соглашение об особом сотрудничестве», предусмотренное статьей 218 УПК Грузии. Если в результате сотрудничества обвиняемого со следственными органами выявлена личность совершившего преступление должностного лица или лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, и при его непосредственном содействии создаются существенные условия для раскрытия данного преступления. Главный прокурор Грузии вправе обратиться в суд с ходатайством о полном освобождении обвиняемого от ответственности или наказания или пересмотре назначенного осужденному наказания. Соглашение об особом сотрудничестве заключается только в том случае, когда публичный интерес раскрытия данного преступления превышает интерес привлечения лица к ответственности или назначения ему наказания либо отбывания им наказания.

В Беларуси процессуальное соглашение приводит к проведению сокращенного судебного следствия (статья 326 УПК РБ). В случае признания обвиняемым своей вины и когда сделанное признание не оспаривается какой-либо из сторон и не вызывает у суда сомнений, суд с согласия сторон после допроса обвиняемого и выяснения у него, не является ли его признание вынужденным, вправе ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые укажут стороны, либо объявить судебное следствие законченным и перейти к судебным прениям. Модели ускоренного производства в Республике Беларусь (как, например, и испанский *conformidad*) не предусматривают возможности применения никаких привилегий в отношении обвиняемых в случае проведения сокращенного судебного следствия.

В Республике Казахстан предусмотрено заключение сделок о признании вины по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям – в случае согласия подозреваемого, обвиняемого с подозрением, обвинением (часть 1 статьи 612 УПК РК); а также соглашений о сотрудничестве – по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких

преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений (часть 2 статьи 612 УПК РК). В качестве самостоятельного соглашения можно признать приказное производство (глава 64-1 УПК РК). Оно применяется по уголовным проступкам и преступлениям небольшой тяжести, если: собранными доказательствами установлены факт преступного деяния и совершившее его лицо; подозреваемый не оспаривает имеющиеся доказательства своей вины в совершении уголовного правонарушения, согласен с квалификацией его действий (бездействия), размером (суммой) причиненного ущерба (вреда); одним из видов основного наказания предусматривает штраф; подозреваемый заявил ходатайство, а потерпевший согласился с рассмотрением дела в порядке приказного производства без исследования доказательств, их вызова и участия в судебном рассмотрении.

В некоторых странах постсоветского пространства классические концепции и институты были размыты. В первую очередь это касается Грузии, Молдовы, Эстонии, где в качестве базового концепта был взят американский вариант сделки.

В уголовном процессе Грузии институт соглашения появился в 2004 г. в связи с реализацией антикоррупционных программ. В его основе лежит соглашение о вине или наказании, инициатива заключения процессуального соглашения может исходить от любой из сторон (статья 209 УПК Грузии). На основании процессуального соглашения прокурор вправе потребовать для обвиняемого сокращения наказания или при совокупности преступлений принять решение о смягчении или частичном снятии с него обвинения.

В соответствии со статьей 212 УПК Грузии письменное соглашение сторон удостоверяется судом, при этом суд обязан убедиться в добровольности его заключения при получении квалифицированной юридической помощи, а также в том, что обвиняемый в полной мере осознает характер преступления, в совершении которого обвиняется, и осознает наказание, предусмотренное за преступление. Суд не связан позицией сторон и вправе не утверждать процессуальное соглашение, он может возвратить дело прокурору для изменения условий соглашения либо внести в него изменения с согласия сторон. Для вынесения приговора в таком порядке суд должен убедиться в неоспоримости доказательств виновности и законности истребуемого наказания.

Предусмотренный статьей 504 УПК Молдовы вариант соглашения является сделкой между прокурором и обвиняемым, который дал согласие признать свою вину в обмен на сокращение наказания. Он имеет много общего с грузинской моделью соглашения: заключение сделки возможно по делам различных категорий преступлений, включая тяжкие, инициатива может исходить от любой из сторон, суд может отклонить соглашение. Процесс соглашения представляет собой переговоры о признании вины, в которых суд не принимает участия (часть 3 статьи 504 УПК Молдовы). Представляют интерес те обстоятельства, которые должен учитывать прокурор при инициировании соглашения о признании вины (статья 505 УПК Молдовы). К ним в числе прочих относятся желание обвиняемого содействовать осуществлению уголовного преследования или обвинению других лиц; отношение к своей преступной деятельности и к прошлым судимостям; чистосердечное признание и желание взять на себя ответственность за содеянное; свободное и добровольное изъявление желания как можно быстрее признать свою вину и дать согласие на сокращенное производство по делу; общественная заинтересованность в обеспечении более оперативного рассмотрения дела с минимальными расходами и др. Важным элементом в процедуре принятия судебного решения по сделке является допрос обвиняемого, к которому он допускается только после дачи клятвы, в соответствии с которой обязуется давать правдивые показания, а также предупреждается о том, что в случае дачи ложных показаний они впоследствии могут быть использованы против него в другом процессе за дачу ложных показаний. Максимальный предел наказания автоматически снижается на одну треть, окончательное наказание может быть назначено и ниже низшего предела (Качалова 2015, 75–76).

В УПК Эстонии предусмотрено несколько видов процессуальных соглашений, на основании которых осуществляются сокращенное производство (статьи 223–238 УПК), согласительное производство (статьи 239–250 УПК), приказное производство (статьи 251–255). При этом сокращенное производство применяется с согласия сторон для рассмотрения любых уголовных дел, за исключением уголовных дел о преступлениях, наказуемых пожизненным лишением свободы; согласительное производство представляет собой англосаксонский вариант

сделки, при которой стороны договариваются о квалификации, виде и размере наказания, а суд утверждает данное соглашение.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве существуют процессуальные соглашения континентального типа, касающиеся упрощения процедуры рассмотрения дела и не затрагивающие квалификацию содеянного. К процессуальным соглашениям могут быть отнесены досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), особый порядок судебного разбирательства, для проведения которого нужно согласие сторон (глава 40 УПК РФ), и дознание в сокращенной форме, производство которого возможно также лишь с согласия сторон (глава 32.1 УПК РФ).

Выводы

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Объективные наднациональные тенденции правовой глобализации и модернизации уголовного судопроизводства привели к появлению в ряде стран различных типов процессуальных соглашений.

2. Основными признаками, дифференцирующими различные типы процессуальных соглашений, являются возможность заключения сделки относительно уголовно-правовой квалификации, вида и размера наказания; дискреция прокурора и суда при заключении соглашений; предмет и пределы процессуального соглашения; возможность проведения на основе согла-

шения сокращенного производства; субъекты инспирирования процессуального соглашения; позиция сторон относительно возможности заключения соглашения; необходимая полнота и степень доказывания, необходимость проведения судебного разбирательства и его характер, объем предоставляемых обвиняемому льгот и преференций (либо их отсутствие), пределы обжалования принятого решения и др.

3. Институциональными отличиями различных процессуальных соглашений с точки зрения их условной принадлежности к классическим архетипам уголовного судопроизводства – англосаксонскому либо континентальному – являются сфера действия соглашения и пределы возможного компромисса.

4. Модернизация постсоветского правового пространства посредством различных правовых технологий привела к возникновению и развитию в уголовно-процессуальном законодательстве бывших советских республик онтологически разных моделей процессуальных соглашений.

5. В российском уголовно-процессуальном законодательстве существуют процессуальные соглашения континентального типа, касающиеся упрощения процедуры рассмотрения дела и не затрагивающие квалификацию содеянного. К процессуальным соглашениям могут быть отнесены досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ).

Библиография

- Бахновский, Александр В. 2008. *Сделка с правосудием: Особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30333355>. EDN: <https://www.elibrary.ru/znukgz>.
- Бернам, Уильям. 2006. *Правовая система США*. Москва: Новая юстиция. <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=80>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20065422>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxcjtz>.
- Бондарь, Николай С. 2011. *Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия*. Москва: Норма. <https://studfile.net/preview/3794771>.
- Головко, Леонид В. 2002. *Альтернативы уголовному преследованию в современном праве*: монография. Санкт-Петербург: Юрид. центр прес. <http://www.tnu.in.ua/study/books/entry-1556204.html>.
- Качалова, Оксана В. 2015. *Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе*. Москва: Юрлитинформ. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24294108>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ulqjhr>.
- Кристи, Нильс. 2001. *Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца*. Москва: Центр содействия реформе уголовного правосудия. <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/08/Кристи-Борьба-с-преступностью-как-индустрия.pdf>.
- Пиюк, Алексей В. 2011. *Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса*. Томск: Томский государственный университет. <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000413929/SOURCE1>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21492663>. EDN: <https://www.elibrary.ru/scikuv>.

Смирнов, Александр В. 2000. *Модели уголовного процесса*: монография. Санкт-Петербург: Наука; Альфа. http://kalinovsky-k.narod.ru/b/smirnov_modeli/smirnov_modeli.pdf.

Соломон-младший, Питер Х. “Сделка с правосудием по-русски: значение особого порядка судебного разбирательства”. *Судья* 9: 48–52. <https://rucont.ru/efd/582799>.

Степаненко, Диана А., Марина А. Днепроовская. 2011. *Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением*. Иркутск. http://kalinovsky-k.narod.ru/b/stepanenko_2011/04.html.

Тейман, Стивен. “Упрощенное производство или согласованное заявление о виновности?” https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30534238.

Уайнреб, Ллойд Л. 1985. *Отказ в правосудии: уголовный процесс США*. Москва: Юрид. лит.

Alshuler, Alan W. 1983. “Implementing the criminal defendants right to trial: Alternatives to the plea bargaining system”. *University Chicago Law Review* 50: 931–1050.

Brereton, David, Jonathan D. Casper, 1981. “Does it pay to plead guilty? Differential sentencing and the function of criminal courts”. *Law and Society Review* 16(1): 45–70. <http://doi.org/10.2307/3053549>.

Bogner, Udo. 2000. *Absprachen im deutschen und italienischen Strafprozessrecht*. Germany: Elwert.

Criminal justice in the US, 1970–1975: An overview of developments in criminal justice. Prepared [by Peter P. Lejins]; for the Fifth United Nations Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders. Washington. <https://searchworks.stanford.edu/view/1757966>.

Champion, Dean J. 1987. “Guilty plea hearings and judicial supervision: Some differences between federal and state judges regarding Rule 11 and a defendant’s right to due process”. *American Journal of Criminal Justice* 12: 62–81. <http://doi.org/10.1007/BF02887539>.

Dubber, Markus D. 1997. “American Plea Bargains, German Lay Judges, and the Crisis of Criminal Procedure”. *Stanford Law Review* 49: 547–605. <http://dx.doi.org/10.2307/1229343>.

Fisher, Carl G. 2003. *Plea bargaining is triumph: a history of plea bargaining in America*. Stanford, CA: Stanford University Press. https://books.google.sk/books/about/book.html?id=zjTxPzcUMAgC&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Joachim, Herrmann. 1992. “Bargaining Justice – A Bargain for German Criminal Justice?”. *University of Pittsburgh Law Review* 53: 755–776. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/upitt53&div=26&id=&page=>.

Ortells, Ramos (M.). 1997. *El proceso penal abreviado(nueve estudios)*. Granada: Editorial Gomares.

Rauxloh, Regina. 2014. *Plea Bargaining in National and International Law: A Comparative Study*. Abingdon, GB, Routledge. https://books.google.ru/books?id=EHSjZ_o_R70C&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.

Thaman, Stephen C. 2010. *World Plea Bargaining: Consensual Procedures and the Avoidance of the Full Criminal Trial*. Carolina: Carolina Academic Press. <https://cap-press.com/pdf/2056.pdf>.

Thaman, Stephen C. 2008. *Comparative criminal procedure: a casebook approach*. 2nd ed. <https://cap-press.com/pdf/1761.pdf>.

Vogel, Mary. 2007. *Coercion to Compromise: Plea Bargaining, the Courts and the Making of Political Authority*. Oxford: University Press. <https://archive.org/details/coerciontocompro0000voge>.

References

Alshuler, Alan W. 1983. “Implementing the criminal defendants right to trial: Alternatives to the plea bargaining system”. *University Chicago Law Review* 50: 931–1050.

Bakhnovsky, Alexander V. 2008. *Plea bargain: features of the Anglo-Saxon and continental legal tradition*: Author’s abstract of Candidate’s of Legal Sciences thesis. Krasnodar. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30333355>. EDN: <https://www.elibrary.ru/znukgz>. (In Russian)

Bogner, Udo. 2000. *Absprachen im deutschen und italienischen Strafprozessrecht*. Germany: Elwert.

Bondar, Nikolai S. 2011. *Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice*. Moscow, Norma. <https://studfile.net/preview/3794771>. (In Russian)

Brereton, David, Jonathan D. Casper, 1981. “Does it pay to plead guilty? Differential sentencing and the function of criminal courts”. *Law and Society Review* 16(1): 45–70. <http://doi.org/10.2307/3053549>.

Burnham, William. 2006. *Introduction to the Law and Legal System of the United States*. Moscow, Novaia iustitsia. <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=80>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20065422>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qxcjtz>. (In Russian)

Champion, Dean J. 1987. "Guilty plea hearings and judicial supervision: Some differences between federal and state judges regarding Rule 11 and a defendant's right to due process". *American Journal of Criminal Justice* 12: 62–81. <http://doi.org/10.1007/BF02887539>.

Christie, Nils. 2001. *Crime Control as Industry. Towards GULAGs, Western Style*. Moscow, Tsentr sodeistviia reforme ugolovnogo pravosudiia. <http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2014/08/Кристи-Борьба-с-преступностью-как-индустрия.pdf>. (In Russian)

Criminal justice in the US, 1970–1975: An overview of developments in criminal justice / prepared [by Peter P. Lejins]; for the Fifth United Nations Congress on the Prevention of Crime and Treatment of Offenders. Washington. <https://searchworks.stanford.edu/view/1757966>.

Dubber, Markus D. 1997. "American Plea Bargains, German Lay Judges, and the Crisis of Criminal Procedure". *Stanford Law Review* 49: 547–605. <http://dx.doi.org/10.2307/1229343>.

Fisher, Carl G. 2003. *Plea bargaining is triumph: a history of plea bargaining in America*. Stanford, CA, Stanford University Press. https://books.google.sk/books/about/book.html?id=zjTxPzcUMAgC&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.

Golovko, Leonid V. 2002. *Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law*: monograph. Saint Petersburg, Iurid. tsentr press. <http://www.tnu.in.ua/study/books/entry-1556204.html>. (In Russian)

Joachim, Herrmann. 1992. "Bargaining Justice – A Bargain for German Criminal Justice?". *University of Pittsburgh Law Review* 53: 755–776. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/upitt53&div=26&id=&page=>.

Kachalova, Oksana V. 2015. *Theoretical foundations of accelerated proceedings in Russian criminal procedure*. Moscow, Iurlitinform. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24294108>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ulqihr>. (In Russian)

Ortells, Ramos (M.). 1997. *El proceso penal abreviado (nueve estudios)*. Granada: Editorial Gomares.

Piyuk, Aleksey V. 2011. *Problems of application of simplified forms of resolving criminal cases in the legal proceedings of the Russian Federation in the light of the typology of the modern criminal process*. Tomsk, Tomskii gosudarstvennyi universitet. <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000413929/SOURCE1>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21492663>. EDN: <https://www.elibrary.ru/scikuv>. (In Russian)

Rauxloh, Regina. 2014. *Plea Bargaining in National and International Law: A Comparative Study*. Abingdon, GB, Routledge. https://books.google.ru/books?id=EHSjZ_o_R70C&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.

Smirnov, Alexander V. 2000. *Models of the criminal process: monograph*. Saint Petersburg, Nauka; Al'fa. http://kalinovsky-k.narod.ru/b/smirnov_modeli/smirnov_modeli.pdf. (In Russian)

Solomon Jr., Peter H. 2011. "Dealing with justice in Russian: the meaning of a special procedure for litigation". *Sud'ia* 9: 48–52. <https://rucont.ru/efd/582799>. (In Russian)

Stepanenko, Diana A., Marina A. Dneprovskaya. 2011. *A special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the charge against him*. Irkutsk. http://kalinovsky-k.narod.ru/b/stepanenko_2011/04.html. (In Russian)

Teiman, Stephen. "Simplified production or agreed plea of guilty?" https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30534238. (In Russian)

Thaman, Stephen C. 2010. *World Plea Bargaining: Consensual Procedures and the Avoidance of the Full Criminal Trial*. Carolina, Carolina Academic Press. <https://cap-press.com/pdf/2056.pdf>.

Thaman, Stephen C. 2008. *Comparative criminal procedure: a casebook approach*. 2nd edition. <https://cap-press.com/pdf/1761.pdf>.

Vogel, Mary. 2007. *Coercion to Compromise: Plea Bargaining, the Courts and the Making of Political Authority*. Oxford: University Press. <https://archive.org/details/coercionto compro0000voge>.

Weinreb, Lloyd L. 1985. *Denial of Justice*. Moscow, Iurid. lit. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/7

Дата поступления: 15.02.2022
рецензирования: 19.03.2022
принятия: 27.03.2022

Юрий С. Норвартян

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Воспрепятствование оказанию медицинской помощи: уголовно-правовой анализ

Аннотация: в статье автор раскрывает объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 124¹ «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Сделан вывод, что объективная сторона анализируемого преступления заключается в: а) действиях (бездействии), выражающихся в различных формах воспрепятствования законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью человека; б) последствиях в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента; в) причинной связи между деянием и наступившим общественно опасным последствием. Также автор отмечает, что для установления описанного в статье 124¹ УК РФ состава не имеет значения, какой была форма вины в отношении акта воспрепятствования оказанию медицинской помощи. Уголовно-правовое значение имеет психическое отношение к наступлению указанных в анализируемом составе последствий, т. е. к факту причинения тяжкого вреда здоровью пациента. Оно должно быть неосторожным.

Ключевые слова: состав преступления; уголовная ответственность; форма вины; воспрепятствование; медицинская помощь; больной; пациент.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Норвартян, Юрий С. 2022. “Воспрепятствование оказанию медицинской помощи: уголовно-правовой анализ”. *Юридический аналитический журнал* 17 (1): 24–28. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-24-28>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© *Юрий С. Норвартян, 2022*

Юрий С. Норвартян, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
e-mail: norvartyan@yandex.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2022
Revised: 19.03.2022
Accepted: 27.03.2022

Yuriy S. Norvartyan

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Obstruction of delivery of health care: criminal and legal analysis

Abstract: in the article, the author reveals the objective and subjective signs of the crime provided for in Article 124¹ “Obstruction of medical care” of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter

the Criminal Code of the Russian Federation). It is concluded that the objective side of the analyzed crime consists in actions (inaction), expressed in various forms of obstruction of legitimate activities of a medical worker to provide medical care, which caused serious harm to human health; b) the consequence in the form of causing serious harm to the patient's health; c) the causal relationship between the act and the socially dangerous consequence. The author also notes that in order to establish the composition described in Article 124¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, it does not matter what form of guilt was in relation to the act of obstructing the provision of medical care. The criminal-legal significance has a mental attitude to the occurrence of the consequences indicated in the analyzed composition, i.e. to the fact of causing serious harm to the patient's health. It must be careless.

Key words: composition of the crime; criminal liability; form of guilt; obstruction; medical care; patient; patient.

Conflict of interest: the author declared that there is no conflict of interest.

Citation: Norvartyan, Yuriy S. 2022. "Obstruction of delivery of health care: criminal and legal analysis". *Juridical Analytical Journal* 17(1): 24–28. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-24-28>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Yuriy S. Norvartyan, 2022*

Yuriy S. Norvartyan, Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: norvartyan@yandex.ru

Введение

В рамках реализации комплексных мер по повышению защищенности жизни и здоровья пациентов и медицинских работников Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» Уголовный кодекс дополнен новой статьей 124¹, устанавливающей ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи. Данная статья состоит из двух частей, в части 1 названной статьи описан основной состав данного посягательства, относящегося к категории преступлений небольшой тяжести, в части 2 указанной статьи предусмотрена ответственность за квалифицированный вид воспрепятствования оказанию медицинской помощи – преступление средней тяжести. Следует заметить, что судебная практика еще не наработана по настоящей статье, что затрудняет всесторонний анализ новой нормы.

Ученые-юристы положительно оценили эту законодательную новеллу. Так, А.А. Лачин, Е.А. Лачина, И.И. Савельев, М.С. Кашин отмечают: «Многочисленные нападения на врачей, избиения и угрозы в их адрес справедливо направили вектор уголовной политики государства в сторону ужесточения... Эта норма является новеллой действующего уголовного

закона, поскольку ранее воспрепятствование оказанию медицинской помощи, приводившее к гибели пациента, уголовно не преследовалось. Между тем инциденты подобного рода возникают довольно часто, нападения на работников скорой помощи случаются и в квартире пациента, и по пути к пациенту. Агрессорами чаще всего бывают нетрезвые или психически неуравновешенные граждане, а то и просто ведущие себя по-хамски водители» (Лачин, Лачина, Савельев, Кашин 2019, 96).

Основные проблемы

Основным непосредственным объектом анализируемого преступления является здоровье человека. Дополнительным объектом преступления, предусмотренного статьей 124¹ УК РФ, признается жизнь другого человека (часть 2).

Воспрепятствование оказанию медицинской помощи характеризуется специальным потерпевшим. В роли специального потерпевшего от данного преступления выступает пациент.

Стоит отметить, что в первоначальном законопроекте речь шла о «больном». Однако данный криминообразующий признак не получил поддержку и в последующем в рамках законопроекта № 139439 в третьем чтении был заменен на термин «пациент». Данную позицию законодателя следует поддержать. Во-первых, введение термина «больной» в рассматриваемую норму могло бы повлечь широкое усмо-

трение правоприменителя при определении наличия в действиях лица анализируемого преступления. Во-вторых, данная категория не раскрывается в специальном законодательстве, а именно в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹. Согласно пункту 9 статьи 2 названного закона получателем медицинской помощи является пациент – физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Использование российским законодателем термина «больной» в УК РФ предполагает иное толкование потерпевшего, в частности, как лица, страдающего определенным заболеванием, требующего оказания медицинской помощи (Аськов 2021, 42).

Кроме того, термин «пациент» имеет неожиданное преимущество перед дефиницией «больной». Согласно отдельным исследованиям, термин «больной» касается не только человека, тогда как термин «пациент», безусловно, касается только человека: «Чем же пациент отличается от больного? Больной – это биологический статус, характеризующий ненормальное состояние организма, причем не только человеческого. Пациентом же бывает только человек, поскольку это не биологический, а правовой статус» (Булнина, Гараева, Давлетшин, Егоров, Карягина, Малинина, Хабиров 2019).

Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 1 статьи 124¹ УК РФ, заключается в: а) действиях (бездействии), выражающихся в различных формах воспрепятствования законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью человека; б) последствиях в виде причинения тяжкого вреда здоровью пациента; в) причинной связи между деянием и наступившим общественно опасным последствием.

Воспрепятствование законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи вообще означает создание помех, преград, препон, иных условий, которые затрудняют или не позволяют вовсе осуществить медицинскому работнику оказание медицинской помощи пациенту.

Соответствующее преступление может совершаться как путем действий, так и путем бездействия. Примерами активных форм воспрепятствования законной деятельности меди-

цинского работника по оказанию медицинской помощи могут служить нападение на врачей, открытый отказ водителя в нарушение Правил дорожного движения пропустить санитарный транспорт, преднамеренное блокирование дверей подъезда дома в целях не пустить приехавших по вызову врачей и др.

Что касается бездействия, оно может быть проиллюстрировано следующими примерами: собственник жилого помещения или лицо, обладающее монопольным доступом в помещение, преднамеренно препятствует попаданию медицинского работника в помещение путем несообщения кода от двери или непредоставления ключей от двери, путем неоткрытия по требованию медицинских работников дверей, путем умышленной неявки к дому, в котором содержится пациент, и др.

Буквальное толкование содержащегося в статье 124¹ УК РФ запрета может привести к выводу, что под признаки соответствующего нормативного положения подпадают случаи воспрепятствования любым видам оказания медицинской помощи, включая не только скорую медицинскую, но и первичную, медико-санитарную, специализированную, паллиативную. Конечно, сложно представить себе ситуацию, когда воспрепятствование оказанию медицинской помощи в виде услуг пластического хирурга может повлечь за собой причинение тяжкого вреда здоровью или смерть пациента. Однако практика реализации уголовного закона знает и более курьезные прецеденты (Коробеев, Шишов 2020, 109).

Легальное определение понятий «медицинская помощь» и «медицинский работник» дано в статье 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»².

В соответствии с названным законом под медицинской помощью понимается комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Согласно данному закону медицинским работником является физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

Состав рассматриваемого преступления является материальным и предполагает наступление общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью человека. Преступление считается *оконченным* с момента наступления общественно опасных последствий (Рарог 2022).

Вред должен быть нанесен именно здоровью пациента, а не медицинского работника или прочих лиц. Как указано в пояснительной записке к соответствующему законопроекту: «В случае, если преступные действия по воспрепятствованию оказания медицинской помощи будут сопряжены с причинением вреда здоровью медицинского работника, квалификация деяния будет осуществляться по совокупности преступлений»³.

Следует иметь в виду, что в соответствии со статьей 6.36 КоАП РФ воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 12.17 настоящего Кодекса, если это действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 124¹ УК РФ, может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Как видно, субъект воспрепятствования законной деятельности медицинского работника общий.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 124¹ УК РФ, в целом характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия либо небрежности (Коробеев, Шишов 2020, 110)⁴.

³ Проект Федерального закона № 139439-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.02.2022).

⁴ Следует заметить, что некоторые ученые-юристы придерживаются другого мнения. Так, А.И. Коробеев и А.А. Шишов считают, что субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 124¹ УК РФ, характеризуется смешанной формой вины: умышленному воспрепятствованию оказанию медицинской помощи корреспондирует неосторожная вина в отношении последствий.

Библиография

Аськов, Николай Н. 2021. *Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику*: дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 277 с. <http://repo.ssau.ru/handle/Dissertacii-Zakryto/Ugolovnopravovye-predpisaniya-ob-obstoyatelstvah-iskluchaushih-prestupnost-deyaniya-v-primenenii-k-medicinskomu-rabotniku-91271?mode=full>.

Психическое же отношение виновного к самому воспрепятствованию в какой бы то ни было форме законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи заключается в умышленной форме вины.

Можно заключить, что сама по себе форма психического отношения виновного к самому воспрепятствованию законной деятельности медицинского работника не имеет юридического значения, поскольку законодатель связывает уголовную ответственность за воспрепятствование законной деятельности медицинского работника только с наступлением указанных в диспозиции статьи 124¹ УК РФ последствий в виде тяжкого вреда здоровью человека.

Ответственность за преступление дифференцирована посредством квалифицирующего признака. Таковым является совершение деяния, повлекшего по неосторожности смерть пациента.

Указанное преступление наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет. Данное деяние полностью охватывается диспозицией части 2 статьи 124¹ и не требует дополнительной квалификации по статье 109 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности.

Выводы

Таким образом, субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 124¹ УК РФ, в целом характеризуется неосторожной формой вины, т. к. сама по себе форма психического отношения виновного к самому воспрепятствованию оказанию медицинской помощи не имеет юридического значения, поскольку законодатель связывает уголовную ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи только с наступлением указанных в диспозиции статьи 124¹ УК РФ последствий в виде тяжкого вреда здоровью.

Булнина, Анастасия С., Гелюса Х. Гараева, Айрат Р. Давлетшин, Константин В. Егоров, Екатерина Н. Карягина, Юлия В. Малинина, Артур И. Хабиров. 2019. *Медицинское право*. Москва: Статут, 190 с. https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/medicinskoe_pravo_uchebnoe_posobie.

Коробеев, Александр И., Алексей А. Ширшов. 2020. “Воспрепятствование оказанию медицинской помощи (статья 124.1 УК РФ) вопросы толкования и правоприменения”. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право* 22 (4): 105–117. <http://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/105-117>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lrzula>.

Лачин, Александр А., Елена А. Лачина, Игорь И. Савельев, Максим С. Кашин. 2019. “К вопросу об обеспечении гарантий своевременного оказания медицинской помощи в России”. *Современное право* 12: 94–97. <http://doi.org/10.25799/NI.2019.78.74.015>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mybpup>.

Рарог, Алексей И. 2022. *Медицинское уголовное право*: монография. Москва: Проспект. 576 с.

References

Askov, Nikolai N. 2021. *Criminal law provisions on circumstances excluding the criminality of an act, as applied to a medical worker*: Candidate's of Legal Sciences thesis. Samara, 277 p. <http://repo.ssau.ru/handle/Dissertacii-Zakryto/Ugolovnopravovye-predpisaniya-ob-obstoyatelstvah-isklucaushih-prestupnost-deyaniya-v-primenenii-k-medicinskomu-rabotniku-91271?mode=full>. (In Russian)

Bulnina, Anastasia S., Gelyusa H. Garaeva, Airat R. Davletshin, Konstantin V. Egorov, Ekaterina N. Karyagina, Yulia V. Malinina, Artur I. Khabirov. 2019. *Medical law*. Moscow, Statut, 190 p. https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/medicinskoe_pravo_uchebnoe_posobie. (In Russian)

Korobeev, Alexander I., Alexey A. Shirshov. 2020. “Obstruction in providing medical care (Art. 124.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) – issues of interpretation and law enforcement”. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law* 22 (4): 105–117. <http://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-4/105-117>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lrzula>. (In Russian)

Lachin, Alexander A., Elena A. Lachina, Igor I. Savelev, Maksim S. Kashin. 2019. “On the issue of providing guarantees of timely medical care in Russia”. *Sovremennoe pravo* 12: 94–97. <http://doi.org/10.25799/NI.2019.78.74.015>. EDN: <https://www.elibrary.ru/mybpup>. (In Russian)

Rarog, Alexey I. 2022. *Medical criminal law*: monograph. Moscow: Prospekt, 576 p. (In Russian)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/.7

Дата поступления: 09.02.2022
рецензирования: 11.03.2022
принятия: 27.03.2022

Ата Г. Корпеев Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Об объекте преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, по уголовному законодательству России и Туркменистана

Аннотация: предметом исследования выступают общественные отношения, на которые посягают преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Данный вопрос до сих пор относится к числу малоисследованных и требует глубоких теоретических изысканий, прежде всего с применением сравнительно-правового подхода. На основе проведенного юридико-технического анализа уголовного законодательства России и Туркменистана предлагается авторское видение содержания родового, видового и непосредственных (основного и дополнительных) объектов рассматриваемых преступлений. Дополнительно аргументировано деление соответствующих преступлений на специальные и общеуголовные виды. Специальными признаются такие преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, которые посягают на общественную (государственную, национальную) безопасность и описаны в отдельной (специальной) главе Особенной части уголовного закона. Установлено, что общеуголовные преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, характеризуются обязательным наличием как основного, так и дополнительных объектов. Показано, что общественная безопасность – правоохраняемое благо, которое всегда является основной либо вспомогательной целью преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: объект преступления; общественная безопасность; отношения собственности; жизнь другого человека; преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Корпеев, Ата Г. 2022. “Об объекте преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, по уголовному законодательству России и Туркменистана”. *Юридический аналитический журнал* 17 (1): 29–33. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-29-33>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Ата Г. Корпеев, 2022

Ата Г. Корпеев, помощник ректора, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: atakor@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 09.02.2022
Revised: 11.03.2022
Accepted: 27.03.2022

Ата Г. Корпеев Samara National Research University, Samara, Russian Federation

On the object of crimes committed using information and telecommunication networks, according to the criminal legislation of Russia and Turkmenistan

Abstract: the subject of the research is social relations, which are encroached upon by crimes committed with the use of information and telecommunication networks. This issue is still among the little-studied

and requires deep theoretical research, primarily with the use of a comparative legal approach. Based on the legal and technical analysis of the criminal legislation of Russia and Turkmenistan, the author's vision of the content of the generic, specific and direct (main and additional) objects of the crimes in question is proposed. In addition, the division of the relevant crimes into special and ordinary types is argued. Such crimes committed with the use of information and telecommunication networks that encroach on public (state, national) security and are described in a separate (special) chapter of the Special Part of the Criminal Law are recognized as special. It has been established that common crimes committed with the use of information and telecommunication networks are described by the obligatory presence of both the main and additional objects. It is shown that public safety is a law-protected good, which is always the main or auxiliary goal of crimes committed using information and telecommunication networks.

Key words: object of crime; public safety; property relations; life of another person; crimes committed with the use of information and telecommunication networks and technologies.

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

Citation: Korpeyev, Ata G. 2022. "On the object of crimes committed using information and telecommunication networks, according to the criminal legislation of Russia and Turkmenistan". *Juridical Analytical Journal* 17(1): 29–33. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-29-33>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Ata G. Korpeyev, 2022*

Ata G. Korpeyev, assistant to the rector, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: atakor@mail.ru

Введение

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий, электронных и компьютерных сетей достигло такого высокого уровня, при котором нельзя представить большинство сфер социальной жизнедеятельности без применения соответствующих процессов и средств. В уголовно-правовом смысле это означает, что объекты преступлений, совершаемых с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей и технологий, весьма многообразны, а общее понятие таких посягательств включает в себя составы преступлений, которые могут быть рассредоточены по многим главам и разделам Особенной части уголовного закона.

Основное исследование

Для определения социально-правовой сущности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий, очень важное значение имеют вопросы объекта. Особенно остро стоит проблема определения содержания родового, видового, непосредственного, а равно основного и дополнительных объектов преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных сетей и технологий. Данный вопрос до сих пор относится к числу малоисследованных

и требует глубоких теоретических изысканий, прежде всего с применением сравнительно-правового подхода.

При этом следует подчеркнуть, что общественно опасное поведение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий посягает не только на общественные отношения в сфере компьютерной информации и других областях общественной безопасности, но и на другие правоохраняемые объекты. Так, Э.Л. Кочкина рассматривает преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как «совокупность преступлений, запрещенных уголовным законодательством, совершаемых в киберпространстве, где объектами преступного посягательства выступают: конституционные права и свободы человека и гражданина; общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий; общественные отношения в сфере экономики и экономической деятельности; общественные отношения в сфере государственной власти; общественные отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности» (Кочкина 2017, 167). По мнению И.М. Рассолова, преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, представляют собой

криминальную отрасль, в которой действуют мошенники, вымогатели, педофилы, сутенеры, процветает торговля людьми и наркотиками и многие другие деяния (Рассолов 2008, 45).

Обозначенная проблематика осложняется тем обстоятельством, что уголовные законы России и Туркменистана не выделяют названные преступления в самостоятельную группу и не описывают их в отдельной главе или ином структурном компоненте Особенной части.

С одной стороны, в уголовном законодательстве России и Туркменистана содержатся отдельные главы о противодействии преступлениям в сфере компьютерной информации. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) – это глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», расположенная в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»¹. В Уголовном кодексе Туркменистана (далее – УК Туркменистана) – глава 33 «Преступления в сфере компьютерной информации», расположенная в разделе XIII «Преступления против общественной безопасности»². В этой связи заметим, что преступления в сфере компьютерной информации – «ядро» преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий в электронной информационной среде.

С другой стороны, отдельные виды общеуголовных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) и технологий, «выпочковываются» законодателем на том или ином этапе развития информационно-правовой системы. В УК РФ – это преступления против жизни и здоровья: склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (пункт «д» части 3 статьи 110¹); преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (статья 138¹), нарушение неприкосновенности частной жизни (часть 3 статьи 137); преступления против семьи и несовершеннолетних: вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представля-

ющих опасность для жизни несовершеннолетнего (пункт «в» части 2 статьи 151²); цифровые имущественные преступления: кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (пункт «г» части 3 статьи 158), мошенничество с использованием электронных средств платежа (статья 159³), мошенничество в сфере компьютерной информации (статья 159⁶); преступления в сфере экономической деятельности: неправомерный оборот средств платежа (часть 1 статьи 187); преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (часть 2 статьи 280), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на ruшение территориальной целостности Российской Федерации (часть 2 статьи 280¹)³. В УК Туркменистана – это преступления против мира и безопасности человека: пропаганда развязывания агрессивной войны и открытые призывы к ней (часть 2 статьи 167²); призывы к наемничеству, создание специализированных мест для подготовки наемников (часть 1 статьи 169¹); преступление против экономической деятельности: манипулирование на рынке ценных бумаг (часть 1 статьи 245¹)⁴.

С учетом вышеозначенного в доктрине высказано следующее справедливое суждение. К преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий, относятся специальные и общеуголовные преступления.

Специальные – это совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей преступления, которые посягают на компьютерную, информационно-телекоммуникационную (общественную) безопасность и описаны в отдельной (специальной) главе Особенной части уголовного закона. Их составы могут включать компьютерную информацию в качестве предмета преступления или относиться к числу беспредметных.

Общеуголовные – это такие преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и (или) высо-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.02.1996 № 63-ФЗ, посл. ред. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 01.02.2022. <http://www.consultant.ru>.

² Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-1 в посл. ред. *Нейтральный Туркменистан*. Дата обращения: 01.02.2022. <https://metbugat.gov.tm/newspaper?id=8291>.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.02.1996 № 63-ФЗ в посл. ред. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 01.02.2022. <http://www.consultant.ru>.

⁴ Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-1 в посл. ред. *Нейтральный Туркменистан*. Дата обращения: 01.02.2022. <https://metbugat.gov.tm/newspaper?id=8291>.

ких технологий, которые имеют основным объектом интересы личности, экономики, здоровья населения, общественной нравственности и др. В круг таких деликтов включены преступления, в составе которых присутствует в качестве конструктивного, квалифицирующего или особо квалифицирующего признака «использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет) и (или) технологий» (Иванова 2019, 32).

Исходя из вышеизложенного и на основании структурного положения Особенной части УК РФ и УК Туркменистана содержание родового, видового и непосредственного (основного и дополнительных) объектов преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий, предлагается определять следующим образом.

Согласно действующему законодательству России и Туркменистана, родовым объектом рассматриваемых преступлений могут являться следующие правоохраняемые блага: интересы личности, экономические отношения, общественная безопасность, безопасность государственной власти, безопасность мира и человечества.

Видовым объектом названных деликтов выступают жизнь и здоровье другого человека, конституционные права человека и гражданина, интересы семьи и несовершеннолетних, собственность, порядок в сфере экономической деятельности, безопасность государства, мир и безопасность человечества, а также безопасность в сфере компьютерной информации.

Содержание основного непосредственного объекта рассматриваемых деликтов может характеризовать такие правоохраняемые ценности, как жизнь другого человека, конкретные конституционные права и свободы человека и гражданина, собственность физического или юридического лица, компьютерная безопасность в конкретных сферах жизнедеятельности, государственная безопасность, безопасность человечества и др.

В роли обязательного дополнительного объекта преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий, выступает общественная безопасность. Это совокуп-

ность общественных отношений, правовое урегулирование которых обеспечивает предотвращение условий и факторов, создающих реальную угрозу для особо важных интересов личности, общества, государства. В контексте рассматриваемой проблематики общественная безопасность – это такое правоохраняемое благо, которое всегда является либо основной, либо вспомогательной целью названных преступлений. Что касается фактативных непосредственных объектов рассматриваемых преступлений, в роли последних могут выступать любые правоохраняемые блага и ценности. Кроме того, речь идет об особом сегменте общественной безопасности, связанном с безопасностью в сфере киберпространства, информационно-телекоммуникационных сетей.

Выводы

В завершение исследования объекта преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных сетей, следует сказать, что в век цифровой экономики высокие технологии с невероятной скоростью внедряются в различные сферы жизни человека. В связи с этим растет динамика преступлений, совершаемых путем использования информационно-телекоммуникационных сетей, объектами которых являются различные правоохраняемые блага, а злоумышленники овладевают новыми приемами совершения посягательств на современные электронные и цифровые отношения. С ускоряющимся продвижением информационно-телекоммуникационных технологий «компьютерное» уголовное право России и Туркменистана должно также динамично развиваться для эффективного противодействия новым общественно опасным деликтам. Необходимо дальнейшее всестороннее исследование объекта и типологии уголовно наказуемых нарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и технологий, в целях разработки новых общих и специальных, основных и квалифицированных составов рассматриваемых преступлений и тем самым обеспечения надежной охраны конституционных прав и охраняемых законом интересов личности, общества и государства в сфере информационной безопасности названных стран.

Библиография

Иванова, Лилия В. 2019. “Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству”. *Юридические исследования* 1: 25–33. <http://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.1.28600>. EDN: <https://elibrary.ru/opwtxo>.

Кочкина, Эльвира Л. 2017. “Определение понятия “киберпреступление”. Отдельные виды киберпреступлений”. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения* 3 (17): 162–169. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30711521>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwboll>.

Рассолов, Илья М. 2008. “Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления”. *Юридический мир* 2: 44–46. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/33731-kiberprestupnost-ponyatie-osnovnye-cherty-formy-proyavleniya>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11151158>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jkanyx>.

References

Ivanova, Liliya V. 2019. “Types of cybercrime under Russian criminal law”. *Legal Research* 1: 25–33. <http://doi.org/10.25136/2409-7136.2019.1.28600>. EDN: <https://elibrary.ru/opwtxo>. (In Russian)

Kochkina, Elvira L. 2017. “Definition of the concept “cybercrime”. Selected types of cybercrime”. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings* 3: 162–169. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30711521>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zwboll>. (In Russian)

Rassolov, Ilya M. 2003. “Cybercrime: concept, main features, forms of manifestation”. *Juridical World* 2: 44–46. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/33731-kiberprestupnost-ponyatie-osnovnye-cherty-formy-proyavleniya>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11151158>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jkanyx>. (In Russian)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

ENTREPRENEURIAL LAW

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 346.1; 347.121.2

Дата поступления: 19.02.2022
рецензирования: 21.03.2022
принятия: 27.03.2022**Элеонора Г. Балашова**Самарский национальный исследовательский университет,
г. Самара, Российская Федерация

О предпринимательском риске

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы понимания категории «предпринимательский риск», так как в теории предпринимательского и гражданского права имеются разные подходы трактовки данного понятия. Отношения с участием предпринимателей являются отношениями социальными. Риск, сопутствуя любому виду деятельности, является обязательным элементом деятельности предпринимательской и заключается в неопределенности положения предпринимателя, вызванной макроэкономической ситуацией, внутренней и внешней экономической политикой государства, геополитическими рисками, иными факторами, заключающейся в возможности (часто потенциальной) наступления неблагоприятных имущественных последствий, вызванных как недостаточностью информации, изменением условий, так и ненадлежащей оценкой последних в силу различных причин (отсутствия опыта, знаний, особенностей психотипа и иных причин). Автор пришел к выводу, что относятся к предпринимательскому риску любые неблагоприятные последствия, которые не являются «объективно (а не субъективно) непреодолимыми», за исключением тех обстоятельств, которые: 1) являются следствием действия непреодолимой силы, 2) либо полностью зависят от воли и действий руководства должника, являются обязанностью единоличного исполнительного органа действовать добросовестно и разумно. Состав обстоятельств, определяемых как «предпринимательский риск», зависит, во-первых, от самого факта осуществления предпринимательской деятельности и тех общих знаний, которыми должен обладать любой субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, во-вторых, конкретных знаний в той области, в которой эта деятельность осуществляется. Наличие риска в отношениях с участием предпринимателя ставит перед законодателем определенные задачи при регулировании правовых последствий с учетом реализации публичных интересов. Методологическая основа статьи проявляется через общенаучный, формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; предпринимательский риск; социальный риск; имущественная ответственность; форс-мажор.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Балашова, Элеонора Г. 2022. «О предпринимательском риске». *Юридический аналитический журнал* 17 (1): 34–43. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-34-43>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Элеонора Г. Балашова, 2022

Элеонора Г. Балашова, к.ю.н., доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

e-mail: 114817@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.02.2022
Revised: 21.03.2022
Accepted: 27.03.2022

Eleonora G. Balashova Samara National Research University, Samara, Russian Federation

About entrepreneurial risk

Abstract: the article deals with the issues of understanding the category of “entrepreneurial risk”, since in the theory of entrepreneurial and civil law there are different approaches to interpreting this concept. Relations with the participation of entrepreneurs are social relations, while the latter cannot be reduced solely to relations that need legal regulation (support for citizens in socially unfavorable situations) due to the instability of the rule of law and the adoption of improper decisions by the relevant authorities. The need for state influence does not seem to serve as a criterion for classifying relations as social, depending on the type of social relations, the goals of the state at a particular stage of development, the economic situation, the reaction of the state may be different, as well as the impact on the consequences of adverse situations for members of society. To date, the legislation of the Russian Federation fixes risk as one of the signs of entrepreneurial activity. At the same time, one cannot but agree that any type of activity is somehow associated with risk, which may have various reasons. Risk, accompanying any type of activity, is an obligatory element of entrepreneurial activity and consists in the uncertainty of the position of the entrepreneur caused by macroeconomic situations, domestic and foreign economic policy of the state, geopolitical risks, other factors, which consists in the possibility (often potential) of adverse property consequences caused by both insufficiency of information, changing conditions, and improper assessment of the latter due to various reasons (lack of experience, knowledge, psychotype characteristics and other reasons). Any adverse consequences that are not “objectively (and not subjectively) unavoidable” are classified as entrepreneurial risk, with the exception of those circumstances that 1) are the result of force majeure, 2) or completely depend on the will and actions of the debtor’s management, are the responsibility of the sole executive body to act in good faith and reasonably. As the analysis of judicial practice has shown, the composition of the circumstances defined as “entrepreneurial risk” depends, firstly, on the very fact of carrying out entrepreneurial activity and the general knowledge that any entity engaged in entrepreneurial activity should have, and secondly, specific knowledge in that the area in which this activity is carried out. The presence of risk in relations with the participation of an entrepreneur poses certain tasks for the legislator. If we turn to other branches of law, we can state that the main consequence of the presence of risk in certain respects is the minimization of risk, the minimization of negative consequences. Speaking about civil law relations, one can state the focus on a fair distribution of risks depending on the guilt in the occurrence of adverse consequences, the good faith of the person, taking into account the principles of justice, legality and reasonableness. In case of considering business risk issues, the fundamental role is played by the goals of state regulation, determined in accordance with the program of socio-economic development of the Russian Federation, and the general principles of business law, such as, for example, protection of the weak side, etc. The consequences of any adverse events affect, first of all, but not only, the entrepreneur’s property sphere.

Key words: entrepreneurial activity; entrepreneurial risk; social risk; property liability; force majeure.

Conflict of interest: the author declared no conflict of interest.

Citation: Balashova, Eleonora G. 2022. “About entrepreneurial risk”. *Juridical Analytical Journal* 17(1): 34–43. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-34-43>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Eleonora G. Balashova, 2022

Eleonora G. Balashova, Candidate of Juridical Sciences, associate professor at the Department of Civil Procedural and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: 114817@mail.ru

Введение

Что такое предпринимательский риск? Каким образом мы можем его определить? Каким образом мы должны урегулировать возникающие в связи с предпринимательским риском вопросы? Эти вопросы длительное время остаются в поле зрения ученых. Не добавляет ясности и неоднозначность терминов «предприниматель» и «предпринимательская деятельность».

Действительно, какой именно риск считать предпринимательским? От чего будет зависеть трактовка тех или иных последствий в качестве последствий именно предпринимательской деятельности?

Если обратиться к экономической теории, то единственное, что не вызывает сомнений среди ученых, это связь предпринимателя с наличием рынка, рыночной экономики. Мер-

кантилисты указывали на наличие денежно-капитала – основы предпринимательства и пытались определить роль предпринимателя в экономическом процессе. При этом, например, Р. Катильон определял предпринимателя (к коим он относил ремесленников, крестьян, торговцев, нищих и разбойников) как лицо, не имеющее постоянного дохода; посредника, приобретающего товары и перепродающего их в условиях неопределенности. Позднее А. Смит, признавая общество меновым союзом, определял предпринимателя как собственника капитала, берущего на себя *риск хозяйствования*, вложения капитала. Д. Рикардо отмечал предпринимательскую деятельность как элемент хозяйствования. Ж.-Б. Сэй, рассматривая стадии производственного процесса, определял роль предпринимателя как лица, берущего на себя *риск произвести* какой-либо продукт и, соответственно, получающего доход от реализации способности организовать производство и сбыт продукции. М. Вебер, разрабатывая идею идеального типа, в основе которой лежит *целерациональное поведение*, наоборот, сводил на «нет» эту и индивидуальную отличительную способность конкретного предпринимателя по организации производства и сбыта, обезличивая его общей рациональностью поведения (интересно, что автор указывал на социальный характер рациональной хозяйственной деятельности, учитывающей интересы различных индивидов при распоряжении экономическими благами). Й. Шумпетер указывал, что предпринимательство не является профессией, представляя собой *определенное качество* человека-новатора, основной целью которого является производство нового продукта, введение новой технологии, освоение новых рынков, что не связано напрямую со статусом собственника. Эта теория нашла свое продолжение в работах П. Друкера, который отличительной чертой предпринимателя также считал желание создать что-то новое, указывая, что не каждый бизнесмен – предприниматель.

Даже это небольшое обращение к ярким представителям экономической теории показало, что категории «предприниматель», «предпринимательство» трактуются по-разному, что предполагает неоднозначность подходов к категориям «предпринимательская деятельность» и «предпринимательский риск». Риск чего именно несет предприниматель? Будет ли это отсутствие новаторства в его деятельности либо рациональности? Является ли риск отличительной чертой именно предприниматель-

ских отношений в силу прямого указания законодателя?

Категория «риск» встречается не только в предпринимательском или гражданском праве. В уголовном праве мы можем встретить понятие «обоснованный риск», исключающий преступность деяния (пункт 1 статьи 41 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹), либо являющийся смягчающим обстоятельством (статья 61 УК РФ). В административном праве – «нормальный хозяйственный риск» (статья 239 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)²), исключающий материальную ответственность работника; «профессиональный риск» (статья 209 ТК РФ).

Виды «риска». Социальный риск

В теории гражданского права нет однозначного подхода к трактовке понятия «предпринимательский риск».

Некоторые ученые видят основу данной категории в явлениях объективной реальности, которым свойственна «вероятность», «опасность» наступления определенных негативных последствий, способных оказать влияние на имущественную сферу лица. Среди приверженцев данного подхода можно назвать таких ученых, как А.А. Собчак, Н.С. Малеин, О.А. Пастухий, В.С. Белых.

Другие же ученые обращают внимание на субъективную сферу лица, действующего в условиях неопределенности. В основе этого подхода лежит именно психическое отношение лица к последствиям его действий, прогнозировании развития событий, допущении неблагоприятных последствий этих действий.

Наиболее обоснованным представляется так называемый смешанный подход, объединяющий оба предыдущих. Именно последователи данного подхода указывают, что «риск представляет собой вероятный вред, предвидение риска – категория субъективная, однако риск – объективная реальность, так как возможность образования вреда непосредственно воплощается в жизни в соединенном действии каких-то лиц и других не менее реальных факторов» (Болобонова 2016, 13–20). Действительно, целенаправленная деятельность предпринимателя в силу социального характера подвержена

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. посл.). СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. посл.). СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

влиянию внешних факторов, объективно существующих в обществе, предвидеть которые часто представляется достаточно затруднительным. При этом не последнюю роль в квалификации ситуации как неопределенной, носящей потенциальную возможность наступления неблагоприятных последствий, в том числе и имущественных, играет и сам субъект с его жизненным опытом, знаниями, «бизнес-чувством». Как показал анализ имеющихся разработок в этой сфере, в последние годы преобладает именно смешанный подход при рассмотрении риска в целом.

На сегодняшний день законодательство Российской Федерации закрепляет риск как один из признаков предпринимательской деятельности. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что любой вид деятельности так или иначе связан с риском, который может иметь различные основания. Ученые давно определили, что помимо предпринимательского риска, есть и иной, не связанный с предпринимательской деятельностью, социальный риск, гражданско-правовой риск, где последний выступает видом риска социального.

Говоря о социальном риске, относящемся к жизни людей и их отношений в обществе, следует прежде всего определиться с видами социальных отношений. Характеризуя социальный риск, В.В. Абрамов отметил, что «в правовой литературе социальные риски в широком смысле слова представлены как возможность возникновения *социально неблагоприятных ситуаций, связанных с необходимостью поддержки граждан со стороны государства и общества*; как деятельность в условиях неопределенности, порождаемой нестабильностью существующего правопорядка, легализуя тем самым возможность адекватной оценки прогнозируемых негативных последствий от необоснованных политико-правовых решений. Поэтому можно предположить, что социальный риск и правовой риск соотносятся не как общее и частное, а как обобщенная и конкретизированная категории. Сказанное позволяет сделать вывод, что понятие «риск в гражданском праве» отражает наиболее существенные черты социального риска как сложного многогранного феномена: противоречивость, сочетание субъективных и объективных элементов, связь с неопределенностью, вероятностью, опасностью, возможностью причинения вреда, с выбором альтернатив» (Абрамов 2013, 30–34).

Представляется, что в данном случае авторы сужают все многообразие социальных отноше-

ний, а соответственно, и понятие социального риска, сводя их к отношениям, которые нуждаются в правовом регулировании (поддержке граждан в социально неблагоприятных ситуациях) в силу нестабильности правопорядка и принятия ненадлежащих решений соответствующими властными субъектами, что, безусловно, требует своего решения, но вряд ли является определяющим. Данный подход позволяет предположить, что риск является социальным только в случае государственного воздействия. Между тем в зависимости от вида социальных отношений, целей государства на том или ином этапе развития, экономической ситуации, реакция государства может быть различной, как и воздействие на последствия неблагоприятных ситуаций для членов общества.

Гражданско-правовые отношения являются частью отношений, возникающих в обществе, что позволяет говорить о том, что гражданско-правовой риск является одним из видов социального риска. Субъекты гражданского права, коими выступают и предприниматели (как индивидуальные предприниматели, так и юридические лица), действуют в гражданском обороте в условиях неопределенности. Учитывая тот факт, что гражданско-правовые отношения – это отношения прежде всего имущественного характера, последствия риска сказываются на имущественной сфере субъектов, имеющих имущественных отношениях. На этом основании нельзя не согласиться с мнением М.О. Боллоновой, которая при изучении гражданско-правового риска пришла к выводу о том, что «риск как гражданско-правовая категория является проявлением в правовом контексте социального риска как сложного многогранного феномена и является *характеристикой гражданско-правовых отношений*, сочетает взаимосвязь субъективных и объективных элементов, выражающихся в вероятности наступления неблагоприятных имущественных последствий и возможности оценки субъектом объективно существующих последствий и выборе им альтернатив, правовое назначение которой заключается в распределении имущественных потерь» (Боллонова 2016, 13–20). При определении способов реагирования государства при возникновении неблагоприятных последствий в ситуации неопределенности должны учитываться принципы гражданского права, например, такие, как принцип справедливости, разумности, добросовестности и иные. Именно они позволят надлежаще распределить возникшие неблагоприятные последствия между

равноправными участниками гражданско-правовых отношений. Представляется, что любое исключение из этого общего правила свидетельствует о наличии и реализации какого-либо публичного интереса (защиты слабой стороны правоотношения, защиты обороноспособности страны и т. п.).

Предпринимательский риск

Как известно, понятия «предпринимательская деятельность» (статья 2) и «предпринимательский риск» (статья 929) закреплены в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ)³.

Представляется, что сделанный О.М. Олейник вывод об отсутствии межотраслевого понятия «предпринимательская деятельность», ограниченности имеющегося определения рамками исключительно гражданско-правовых отношений может быть применен и к понятию «предпринимательский риск». Несмотря на широкую трактовку, определение, закрепленное в статье 929 ГК РФ, применимо исключительно для гражданско-правовых имущественных отношений (Олейник 2015, 3–17).

В процессе своей деятельности предприниматель не только действует в условиях объективной неопределенности, связанной со складывающейся экономической ситуацией в стране, в целом поведением контрагентов и иными условиями, но и субъективной неопределенности, основанной на его личном опыте и способностях анализировать. Гражданский кодекс РФ называет некоторые из проявлений объективного риска. Так, как субъект гражданского оборота предприниматель несет риск потерь (пункт 1 статьи 82, пункт 1 статьи 87, пункт 1 статьи 96 ГК РФ), риск изменения обстоятельств, риск случайной гибели или случайного повреждения имущества (статьи 211, 344, 669, 705, пункт 7 статьи 720, статья 741 ГК РФ), риск несовершения лицом определенных действий, важных для определения взаимных прав и обязанностей участников имущественного оборота (статья 312, пункт 3 статьи 382 ГК РФ) и иные.

Как показал анализ судебной практики, состав обстоятельств, определяемых как «предпринимательский риск», зависит, во-первых, от самого факта осуществления предпринимательской деятельности и тех общих знаний, которыми должен обладать любой субъект,

осуществляющий предпринимательскую деятельность, так и конкретных знаний в той области, в которой эта деятельность осуществляется. Так, например, в Постановлении Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2022 г. № 16АП-3349/13 по делу № А77-1351/2009⁴ предпринимательский риск определен как «риск, возникающий при любых видах предпринимательской деятельности, связанных с производством продукции, реализацией товаров и предоставлением услуг; товарно-денежными и финансовыми операциями; коммерцией, а также осуществлением научно-технических проектов». Состав обстоятельств, относящихся к предпринимательскому риску, определен также в Постановлении Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 октября 2016 г. № 16АП-3258/1605⁵, такими обстоятельствами названы нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения обязательств товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств, а также *финансово-экономический кризис, изменение валютного курса, девальвация национальной валюты, преступные действия неустановленных лиц*, а также другие обстоятельства.

Говоря о конкретных видах деятельности и предпринимательском риске, в качестве примера можно привести Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 сентября 2017 г. № 10АП-13366/17⁶, в котором к предпринимательскому риску отнесена в том числе невозможность представить документы, необходимые для прохождения таможенной процедуры в отношении спорного товара ввиду изменения таможенных правил и отсутствия аккредитованных органов для сертификации, а также Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2016 г. № 19АП-5436/16⁷, которым было указано, что засуха входит в сферу предприниматель-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). СПС «Гарант». Дата обращения: 25.02.2022. <http://www.garant.ru>.

⁴ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2022 г. № 16АП-3349/13 по делу № А77-1351/2009. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.07.2022. <http://www.garant.ru>.

⁵ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 октября 2016 г. № 16АП-3258/1605. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.07.2022. <http://www.garant.ru>.

⁶ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 сентября 2017 г. № 10АП-13366/17. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.07.2022. <http://www.garant.ru>.

⁷ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2016 г. № 19АП-5436/16. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

ского риска, не относится к форс-мажорным или обстоятельствам непреодолимой силы, ведя предпринимательскую деятельность, которая в значительной степени зависит от погодных условий, общество должно применять надлежащие гражданско-правовые способы защиты и страхования рисков.

Таким образом, относятся к предпринимательскому риску любые неблагоприятные последствия, которые не являются «объективно (а не субъективно) непредотвратимыми», за исключением тех обстоятельств, которые: 1) являются следствием действия непреодолимой силы, 2) либо полностью зависят от воли и действий руководства должника, являются обязанностью единоличного исполнительного органа действовать добросовестно и разумно (часть 3 статьи 53 ГК РФ) (см., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 октября 2021 г. № Ф05-684/18 по делу № А40-72475/2015⁸; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 июля 2021 г. № 09АП-31773/21 по делу № А40-72475/2015⁹ и иные).

Не отнесены к категории предпринимательского риска обстоятельства, которые невозможно было предвидеть и предотвратить, которые носили чрезвычайный характер и не зависели от воли и действий участников гражданского процесса:

– обострение международных отношений и введение санкционной политики, ограничивающей торговые операции (Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2022 г. № 305-ЭС21-26271 по делу № А40-193220/2020¹⁰);

– распространение инфекции и введение в связи с пандемией ограничительных мер (Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 января 2022 г. № 17АП-15233/21 по делу № А50-14756/2021¹¹);

– периодически возникающие судебные споры... бездействие уполномоченных органов по

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 октября 2021 г. № Ф05-684/18 по делу № А40-72475/2015. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 июля 2021 г. № 09АП-31773/21 по делу № А40-72475/2015. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2022 г. № 305-ЭС21-26271 по делу № А40-193220/2020. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

¹¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 января 2022 г. № 17АП-15233/21 по делу № А50-14756/2021. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

рассмотрению заявлений общества являются обстоятельствами, затрудняющими использование земельного участка (Определение Верховного Суда РФ от 18 января 2016 г. № 308-ЭС15-17636 по делу № А18-163/2013¹²);

– пожары, хищения и иные обстоятельства в определенных случаях, например, если деятельность предпринимателя не связана с оказанием услуг по хранению и т. п.

Как указано в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 июля 2017 г. № Ф01-2352/17 по делу № А11-3028/2016¹³, обстоятельства, не относящиеся к предпринимательскому риску, должны быть преимущественно или исключительно обусловлены факторами, которые:

1) являются чрезвычайными (форс-мажорными), то есть участники при разумной степени заботливости и осмотрительности не предвидели и не должны были предвидеть их наступление и/или их влияние на достижение указанных выше показателей (во избежание сомнений, к ним не относятся факторы, которые являются обычными предпринимательскими рисками, в том числе изменения ценообразования, конкуренция и т. п.);

2) являются непредотвратимыми, то есть находящимися за пределами разумно понимаемого контроля участников;

3) не являются результатом умысла или грубой неосторожности либо несоблюдения правил охраны труда и техники безопасности и/или иных применимых требований и нормативов...

В качестве примера обстоятельств, не относящихся к предпринимательскому риску, а зависящих от действий должностных и контролирующих лиц юридического лица, можно привести получение необоснованной налоговой выгоды (см. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 октября 2021 г. № Ф06-9555/21 по делу № А12-23478/2020¹⁴ и иные).

Справедливым представляется мнение В.В. Абрамова, который отметил, что «риск понимается как элемент деятельности, опре-

¹² Определение Верховного Суда РФ от 18 января 2016 г. № 308-ЭС15-17636 по делу № А18-163/2013. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 июля 2017 г. № Ф01-2352/17 по делу № А11-3028/2016. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 октября 2021 г. № Ф06-9555/21 по делу № А12-23478/2020. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

деляющий действия субъектов гражданских правоотношений в условиях неопределенности при наличии альтернативных возможностей различного характера (как позитивной, так и негативной направленности). При этом последнее положение нам представляется существенным, так как риск связан не только с опасностями и угрозами» (Абрамов 2013, 30–34).

Похожие определения можно найти и в работах иных авторов. Говоря о предпринимательском риске, О.М. Олейник указала, что «это *вероятность* неполучения запланированного или ожидаемого положительного результата, равно как возможность получения отрицательных последствий тех или иных действий, в чем бы они ни состояли» (Олейник 2015, 3–17).

А.Г. Мартиросян указал, что «предпринимательский риск можно определить как *свойство предпринимательских отношений*, которое находит отражение в определении предпринимательской деятельности и подчеркивает минимальное участие государства в распределении имущественно невыгодных последствий» (Мартиросян 2012).

Позже Е.П. Чорновол, А.В. Головизнин также раскрывали указанное понятие через «*состояние* предпринимателя, обусловленное неопределенностью экономических и других ситуаций в условиях недостаточности информации, выражающееся в неизбежности постоянного выбора в процессе осуществления предпринимательства при взаимодействии объективных и субъективных факторов из множества вариантов того или иного поведения, в результате которого для него могут наступить определенные последствия, оказывающие влияние на его материальное положение» (Чорновол, Головизнин 2016, 16–22).

Таким образом, риск, сопутствуя любому виду деятельности, является обязательным элементом деятельности предпринимательской и заключается в неопределенности положения предпринимателя, вызванной макроэкономической ситуацией, внутренней и внешней экономической политикой государства, геополитическими рисками, иными факторами, заключающейся в возможности (часто потенциальной) наступления неблагоприятных имущественных последствий, вызванных как недостаточностью информации, изменением условий, так и ненадлежащей оценкой последних в силу различных причин (отсутствия опыта, знаний, особенностей психотипа и иных причин).

При этом в теории гражданского права высказываются различные мнения относительно ме-

ста риска в гражданском правоотношении. Так, О.М. Олейник поддержала мнение А.С. Власовой о том, что «предпринимательский риск может быть определен как один из элементов абсолютных или относительных гражданских правоотношений. В абсолютном правоотношении предпринимательский риск выражается в обременении права на осуществление предпринимательской деятельности, состоящем в установлении определенных юридических обязанностей, возникающих с момента ее иницирования. Как правило, предпринимательский риск в абсолютных правоотношениях является внешним, т. е. риском в отношении интересов третьих лиц. В относительном гражданском правоотношении предпринимательский риск является правовой конструкцией распределения вероятных негативных последствий взаимодействия хозяйствующих субъектов, а также наступивших негативных последствий осуществления предпринимательской деятельности при разрешении споров между субъектами такой деятельности или с их участием» (Олейник 2015, 3–17).

Ранее известный ученый Ю.Б. Фогельсон выделил характеристики понятия «риск», рассматривая его как правоотношение.

«Структурными элементами указанной конструкции риска являются:

- частное лицо, которое несет бремя риска;
- определенная опасность, которой подвержено данное лицо;
- возможное причинение вреда этому лицу;
- причинно-следственная связь между опасностью и причинением вреда;
- вероятность причинения данного вреда в результате воздействия данной опасности для неимущественного вреда или распределение вероятностей убытков для имущественного вреда» (Фогельсон 2003, 20–30).

Последствия же любых неблагоприятных событий сказываются прежде всего, но не только, на имущественной сфере предпринимателя. Так, анализируя понятие предпринимательского риска, В.С. Белых определял его как *потенциальную возможность* (опасность) наступления или ненаступления события (совокупности событий), повлекшего неблагоприятные *имущественные последствия* для деятельности предпринимателя по не зависящим от него обстоятельствам (Белых 2008, 13). В судебной практике такой подход также прослеживается. Например, в Постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2022 г. № 12АП-12108/21 по делу № А57-

11535/2021¹⁵ суд указал, что «согласно пункту 2 статьи 929 ГК РФ предпринимательский риск – это риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств или изменения условий этой деятельности по не зависящим от предпринимателя обстоятельствам». Аналогичная позиция высказана также в Постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 21 января 2021 г. № 02АП-9502/20 по делу № А82-6885/2020¹⁶, согласно которому «предпринимательский риск – это убытки (или отсутствие прибыли) по причинам, не зависящим от действий конкретного контрагента».

В теории предпринимательского права также предприняты попытки выделения признаков предпринимательского риска. А.В. Золотухин выделяет следующие признаки предпринимательского риска: «1) сопровождает предпринимательскую деятельность; 2) характеризуется вероятностью наступления отрицательного события, выражающегося в имущественных потерях в виде экономически неоправданных расходов или неполучения ожидаемых доходов от предпринимательской деятельности; 3) характеризуется расчетом вероятностного исхода при принятии решений» (Золотухин 2015, 71–75).

Говоря о предпринимательской деятельности в целом, следует вспомнить, что она представляет собой вид деятельности экономической и предполагает, согласно легальному определению, закрепленному в ГК РФ, направленность на получение прибыли, т. е. потенциал получения выгоды или убытка в той или иной ситуации. Немаловажную роль в этом процессе играет личность предпринимателя, его психотип, жизненный опыт, способность анализировать экономические факторы в условиях неопределенности экономической деятельности. Какие-либо иные критерии, выделяемые в экономической теории как характеристики (инновационный характер, рациональность, статус собственника средств производства и т. д.) предпринимателя, не учитываются при определении предпринимательского риска.

При этом наличие риска в отношениях с участием предпринимателя ставит перед законода-

телем определенные задачи. Если обратиться к иным отраслям права, то можно констатировать, что основным последствием наличия риска в тех или иных отношениях является минимизация риска, минимизация негативных последствий. Таковы, например, цели, стоящие перед законодателем при регулировании профессионального и иных видов риска. Говоря о гражданско-правовых отношениях, можно констатировать направленность на справедливое распределение рисков в зависимости от вины в наступлении неблагоприятных последствий, добросовестности лица с учетом принципов справедливости, законности и разумности.

Несколько усложняется ситуация в случае участия в отношениях предпринимателя. Установление более жестких правил, например, в отношении ответственности предпринимателя как лица, обладающего большим объемом знаний о рынке, накладывает определенный отпечаток и на отношения, основанные на предпринимательском риске. Как справедливо отметил В.В. Абрамов, «критерием распределения риска зачастую выступает общественный (социально значимый) интерес, лежащий в основе конкретного гражданско-правового отношения. Изложенное позволяет сделать вывод, что основная задача гражданского права в вопросах риска – это не определение его границ, а выявление и правильное регулирование его последствий в целях установления надлежащего баланса частноправовых и социально значимых интересов в имущественном обороте для создания благоприятных условий осуществления экономической деятельности и поддержания стабильности гражданского оборота в целом» (Абрамов 2013, 30–34).

Цели же государственного воздействия на предпринимательские отношения в целом и отношения, связанные с риском в частности в теории предпринимательского права различны. Формирование данных целей происходило исторически, как и становление самого этого института с его структурой власти, определенным типом гражданина. Как отметил С.Н. Шишкин, «цель государственного регулирования экономики – обеспечение реализации и защиты публичных интересов, таких, как оборона и безопасность государства, права и свободы человека и гражданина, интересы социально уязвимых слоев населения, охрана окружающей среды. Без государственного вмешательства в экономику невозможно обеспечить гарантии прав и свобод человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ»

¹⁵ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2022 г. № 12АП-12108/21 по делу № А57-11535/2021. СПС «Гарант». Дата обращения: 23.02.2022. <http://www.garant.ru>.

¹⁶ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 21 января 2021 г. № 02АП-9502/20 по делу № А82-6885/2020. СПС «Гарант». Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.garant.ru>.

(Шишкин 2020, 4). Соответственно, при распределении неблагоприятных последствий реализации риска в предпринимательских отношениях законодатель в целях реализации публичных интересов может отступать от общих принципов, например, для защиты слабой стороны правоотношения и т. п.

Выводы

Отношения с участием предпринимателей являются отношениями социальными, при этом последние не могут быть сведены исключительно к отношениям, которые нуждаются в правовом регулировании (поддержке граждан в социально неблагоприятных ситуациях) в силу нестабильности правопорядка и принятия ненадлежащих решений соответствующими властными субъектами. Необходимость государственного воздействия, представляется, не может служить критерием отнесения отношений к социальным, в зависимости от вида социальных отношений, целей государства на том или ином этапе развития, экономической ситуации, реакция государства может быть различной, как и воздействие на последствия неблагоприятных ситуаций для членов общества.

На сегодняшний день законодательство РФ закрепляет риск как один из признаков предпринимательской деятельности. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что любой вид деятельности так или иначе связан с риском, который может иметь различные основания. Риск, сопутствуя любому виду деятельности, является обязательным элементом деятельности предпринимательской и заключается в неопределенности положения предпринимателя, вызванной макроэкономической ситуацией, внутренней и внешней экономической политикой государства, геополитическими рисками, иными факторами, заключающейся в возможности (часто потенциальной) наступления неблагоприятных имущественных последствий, вызванных как недостаточностью информации, изменением условий, так и ненадлежащей оценкой последних в силу различных причин (отсут-

ствия опыта, знаний, особенностей психотипа и иных причин).

Относятся к предпринимательскому риску любые неблагоприятные последствия, которые не являются «объективно (а не субъективно) непредотвратимыми», за исключением тех обстоятельств, которые: 1) являются следствием действия непреодолимой силы, 2) либо полностью зависят от воли и действий руководства должника, являются обязанностью единоличного исполнительного органа действовать добросовестно и разумно. Как показал анализ судебной практики, состав обстоятельств, определяемых как «предпринимательский риск», зависит, во-первых, от самого факта осуществления предпринимательской деятельности и тех общих знаний, которыми должен обладать любой субъект, осуществляющий предпринимательскую деятельность, во-вторых, конкретных знаний в той области, в которой эта деятельность осуществляется.

Наличие риска в отношениях с участием предпринимателя ставит перед законодателем определенные задачи. Если обратиться к иным отраслям права, то можно констатировать, что основным последствием наличия риска в тех или иных отношениях является минимизация риска, минимизация негативных последствий. Говоря о гражданско-правовых отношениях, можно констатировать направленность на справедливое распределение рисков в зависимости от вины в наступлении неблагоприятных последствий, добросовестности лица с учетом принципов справедливости, законности и разумности.

В случае рассмотрения вопросов предпринимательского риска основополагающую роль играют цели государственного регулирования, определяемые в соответствии с программой социально-экономического развития Российской Федерации, и общие принципы предпринимательского права, такие, как, например, защита слабой стороны и т. п. Последствия же любых неблагоприятных событий сказываются прежде всего, но не только, на имущественной сфере предпринимателя.

Библиография

Абрамов, Валерий В. 2013. «Категория “риск” в гражданском праве». *Гражданское право* 6: 30–34. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20846790>. EDN: <https://www.elibrary.ru/roeymd>.

Болобонова, Мария О. 2016. «Понятие гражданско-правового риска». *Право и экономика* 10: 13–20. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87748-ponyatie-grazhdansko-pravovogo-riska>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29208426>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypejhz>.

Золотухин, Алексей В. 2015. “К вопросу о понятии и признаках предпринимательского риска”. *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 2(28): 71–75. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23639641>. EDN: <https://www.elibrary.ru/txhyvp>.

Мартиросян, Артем Г. 2012. “Предпринимательский риск в российском гражданском праве”. *Законодательство* 2: 41–44. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22552625>. EDN: <https://elibrary.ru/sznmsn>.

Олейник, Оксана М. 2015. “Понятие предпринимательской деятельности: теоретические проблемы формирования”. *Предпринимательское право* 1: 3–17. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23029675>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rloqco>.

Предпринимательское право России. Москва: Проспект. 2016. <https://www.hse.ru/data/2015/04/07/1096367009/1ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ%20ПРАВО.%20Учебник%20для%20а..вриата%20Косякова%20Н.И.%20-%20Отв.%20ред.pdf>.

Фогельсон, Юрий Б. 2003. “Конструкции “интерес” и “риск” в Гражданском кодексе”. *Хозяйство и право* 6(317): 20–29. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22171377>. EDN: <https://elibrary.ru/sreoyr>.

Черновол, Евгений П., Головизнин, Алексей В. 2016. “Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности”. *Право и экономика* 1(335): 16–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29208415>. EDN: <https://elibrary.ru/ypejdt>.

Шишкин, Сергей Н. 2020. *Государственное регулирование экономики: предпринимательско-правовой аспект*. Москва: Волтерс Клувер. https://books.google.ru/books?id=fUMpVcB_jnsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

References

Abramov, Valery V. 2013. “Category “risk” in civil law”. *Civil Law* 6: 30–34. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20846790>. EDN: <https://www.elibrary.ru/roeymd>. (In Russian)

Bolobonova, Maria O. 2016. “The concept of civil-legal risk”. *Pravo i ekonomika* 10(344): 13–20. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87748-ponyatie-grazhdansko-pravovogo-riska>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29208426>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ypejhz> (In Russian)

Chornovol, Evgeny P., Alexey V. Goloviznin. 2016. “Regulatory, doctrinal and practical characteristics of entrepreneurial activity”. *Pravo i ekonomika* 1(335): 16–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29208415>. EDN: <https://elibrary.ru/ypejdt>. (In Russian)

Entrepreneurial law of Russia. Moscow: Prospekt, 2016. <https://www.hse.ru/data/2015/04/07/1096367009/1ППЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ%20ПРАВО.%20Учебник%20для%20а..вриата%20Косякова%20Н.И.%20-%20Отв.%20ред.pdf>. (In Russian)

Fogel'son, Yuri B. 2003. “Constructions “interest” and “risk” in the Civil code”. *Economy and Law* 6(317): 20–29. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22171377>. EDN: <https://elibrary.ru/sreoyr>. (In Russian)

Martirosyan, Artem G. 2012. “Business risks in Russian civil law”. *Legislation* 2: 41–44. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22552625>. EDN: <https://elibrary.ru/sznmsn>. (In Russian)

Olejnik, Oksana M. 2015. “Concept of entrepreneurial activities: theoretical problems of formation”. *Entrepreneurial Law* 1: 3–17. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23029675>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rloqco>. (In Russian)

Shishkin, Sergei N. 2020. State regulation of the economy: business and legal aspect. Moscow: Volters Kliuver. https://books.google.ru/books?id=fUMpVcB_jnsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false. (In Russian)

Zolotukhin, Alexey V. 2015. “Revisiting the question of the concept and characteristics of business risk”. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences* 2(28): 71–75. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23639641>. EDN: <https://www.elibrary.ru/txhyvp>. (In Russian)

ТРУДОВОЕ ПРАВО
LABOUR LAW**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 349.2

Дата поступления: 13.02.2022
рецензирования: 19.03.2022
принятия: 27.03.2022**Светлана В. Осипова**

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Применение дисциплинарных взысканий: теория и практика

Аннотация: порядок привлечения работников к дисциплинарной ответственности активно обсуждается как учеными, так и практическими работниками. В настоящей статье изучаются основные аспекты применения дисциплинарных взысканий. В данной работе использовались формально-юридические методы. Исследуется структура процедуры наложения дисциплинарных взысканий, ее основные этапы. Одним из первых и важнейших из этих этапов является истребование работодателем письменного объяснения от работника, после чего возможно сделать вывод о наличии дисциплинарного проступка. Подчеркивается, что установление факта наличия дисциплинарного проступка – важнейший аспект, исследуемый судами. Автором указываются ошибки, допускаемые при этом работодателем. Детально анализируется выбор вида дисциплинарного взыскания. Обращается внимание на незаконность применения мер дисциплинарной ответственности, не предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации, федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине (например, наложение штрафа или лишение премии), а также на необходимость учета тяжести дисциплинарного проступка, обстоятельств, при которых он был совершен, предшествующего поведения работника, его отношение к труду. Важными вопросами, которые также рассматриваются в статье, являются соблюдение сроков привлечения к дисциплинарной ответственности (как со дня обнаружения дисциплинарного проступка, так и со дня его совершения), оформление применения дисциплинарного взыскания и его обжалование. Работа проиллюстрирована примерами из судебной практики, свидетельствующими о многообразии случаев нарушения прав работников. Автор приходит к выводу о наличии как проблем правоприменения, так и пробелов действующего законодательства (отсутствие перечня фактов, которые подлежат доказыванию работодателем, применившим дисциплинарное взыскание).

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; дисциплинарное взыскание; проступок; работник; работодатель; письменное объяснение.

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Осипова, Светлана В. 2022. “Применение дисциплинарных взысканий: теория и практика”. *Юридический аналитический журнал* 17 (1): 44–55. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-44-55>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Светлана В. Осипова, 2022

Светлана В. Осипова, к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: osipova.sv163@yandex.ru

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 13.02.2022
Revised: 19.03.2022
Accepted: 27.03.2022

Svetlana V. Osipova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Application of disciplinary penalty: theory and practice

Abstract: the procedure for bringing employees to disciplinary responsibility is actively discussed by both scientists and practitioners. This article examines the main aspects of the application of disciplinary sanctions. In this work, formal-legal methods were used. The structure of the procedure for imposing disciplinary sanctions, its main stages, is studied. One of the first and most important of these stages is the request by the employer of a written explanation from the employee, after which it is possible to conclude that there is a disciplinary offense. It is emphasized that the establishment of the fact of the existence of a disciplinary offense is the most important aspect investigated by the courts. The author indicates the mistakes made by the employer. The choice of the type of disciplinary sanction is analyzed in detail. Attention is drawn to the illegality of the application of disciplinary measures that are not provided for by the Labor Code of the Russian Federation, federal laws, charters and regulations on discipline (for example, the imposition of a fine or deprivation of a bonus), as well as the need to take into account the severity of a disciplinary offense, the circumstances under which it was committed, previous behavior of the employee, his attitude to work. Important issues that are also discussed in the article are compliance with the deadlines for bringing to disciplinary responsibility (both from the day a disciplinary offense was discovered and from the day it was committed), registration of the application of a disciplinary sanction and its appeal. The work is illustrated with examples from judicial practice, which testify to the variety of cases of violation of the rights of workers. The author comes to the conclusion that there are both problems of law enforcement and gaps in the current legislation (the absence of a list of facts that must be proven by the employer who applied the disciplinary sanction).

Key words: disciplinary responsibility; disciplinary action; misconduct; employee; employer; written explanation.

Conflict of interest: the author declared that there is no conflict of interest.

Citation: Osipova, Svetlana V. 2022. "Applications of disciplinary penalty: theory and practice". *Juridical Analytical Journal* 17(1): 44–55. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-1-44-55>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Svetlana V. Osipova, 2022*

Svetlana V. Osipova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: osipova.sv163@yandex.ru

Введение

Привлечение работников к дисциплинарной ответственности – достаточно частая процедура, применяемая работодателями. Однако большое количество нарушений, выявляемых в судебной практике, показывает сложность данной процедуры. Дисциплинарное взыскание считается наложенным правомерно, если были соблюдены все условия и порядок привлечения к ответственности. Следует отметить, что применение дисциплинарного взыскания – это право работодателя, а не его обязанность, по общему правилу (за исключением статьи 195 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)¹ – в отношении руководителей организации, руководителей структурных подразделений организации, их заместителей).

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ в посл. ред. СПС "КонсультантПлюс". Дата обращения: 09.02.2022. <http://www.consultant.ru>.

«Руководитель организации с учетом всех обстоятельств дела может не налагать взыскание на работника, совершившего проступок, а довольствоваться беседой с ним или словесным замечанием». (Магалясова 2022, 134). В настоящей статье проанализируем проблемы наложения дисциплинарных взысканий, выявленные в литературе и на практике.

Стадии (этапы) применения дисциплинарных взысканий

Когда речь идет о порядке привлечения к дисциплинарной ответственности, под этим следует понимать дисциплинарное производство, то есть процедуру применения мер дисциплинарной ответственности.

Порядок применения дисциплинарных взысканий непосредственно регулируется статьей 193 ТК РФ, который должен строго соблюдаться работодателем.

В литературе предлагаются различные подходы к структуре процедуры применения дисциплинарных взысканий. Так, К.Н. Гусов и Ю.Н. Полетаев (Гусов, Полетаев 2008, 106–107) считают, что, исходя из статьи 193 ТК РФ, процедура применения к работнику дисциплинарного взыскания должна включать следующие стадии:

1) возбуждение и расследование работодателем (или его представителем) дела;

2) вынесение работодателем (его представителем) решения о необходимости привлечения работника к дисциплинарной ответственности и выбор применяемой меры ответственности;

3) предварительное согласование избранной работодателем меры ответственности с компетентным органом, если это требуется законодательством;

4) издание приказа (распоряжения) и привлечение работника к дисциплинарной ответственности.

Можно встретить и другие точки зрения о стадиях процедуры применения дисциплинарного взыскания. Так, рассуждая о дисциплинарной ответственности работников кредитных организаций, О.А. Иванова (Иванова 2021, 57–58), исходя из содержания статьи 193 ТК РФ и законодательно установленных правил о внутреннем распорядке, дисциплине труда, выделяет следующие стадии:

– во-первых, обнаружение объективных признаков проступка (например, отклонение показателей работы от плановых) и доклад лицу, уполномоченному принимать решение о привлечении к дисциплинарной ответственности;

– во-вторых, возбуждение дела о дисциплинарном проступке, которое фиксируется в резолюции либо в распоряжении о создании временной рабочей группы (комиссии) по разбирательству обстоятельств проступка;

– в-третьих, разбирательство обстоятельств проступка. Работодатель не контролировал процесс исполнения трудовой функции вследствие того, что стандартизировал этот процесс и полагался на его соблюдение. Выясняются прохождения работником всех этапов операционной (процедурной) схемы соответствующего процесса и полученный результат. Работник не обязан доказывать соблюдение операционной схемы, но обязан показать, где или на каком этапе прохождения он встретил противодействие внешнего фактора, который привел к безрезультатности работы;

– в-четвертых, вынесение работодателем (его представителем) решения о необходимости

привлечения работника к дисциплинарной ответственности и выбор применяемой меры ответственности;

– в-пятых, предварительное согласование избранной работодателем меры ответственности с профессиональным объединением работников;

– в-шестых, издание приказа (распоряжения) и привлечение работника к дисциплинарной ответственности.

Рассмотрим наиболее важные аспекты процедуры применения дисциплинарных взысканий.

Истребование работодателем объяснительной

Прежде чем применять меру взыскания, работодатель должен запросить у работника письменное объяснение. Важно выяснить причину неисполнения или ненадлежащего исполнения трудовых обязанностей.

Бывают ситуации, когда работодатель нарушает порядок привлечения к дисциплинарной ответственности именно в части истребования письменного объяснения. Это подтверждает один из примеров судебной практики.

В Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2022 № 88-23596/2022 по делу № 2-2994/2021² указаны ошибки, допущенные работодателем при привлечении работников к дисциплинарной ответственности (хотя в рамках кассационного производства рассматривалась жалоба истцов в связи с отказом в удовлетворении иных требований, не связанных с наложением дисциплинарных взысканий). Так, Т., Ш., Р. обратились в суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью «РедуТ» о взыскании задолженности по индексации заработной платы, компенсации за отсутствие индексации, компенсации морального вреда, признании незаконными действий по неполучению лечебно-профилактического питания, обязанности предоставить лечебно-профилактическое питание, произвести расчет и предоставить дополнительный оплачиваемый отпуск, признании незаконными и отмене приказов о наложении дисциплинарного взыскания, взыскании премии.

Решением Балаковского районного суда Саратовской области от 29 декабря 2021 года исковые требования Т., Ш., Р. удовлетворены

² Здесь и далее ссылки на акты органов судебной власти приводятся из Справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обращения: 01.02.2022. <http://www.consultant.ru>.

частично. Помимо прочего признан незаконным и отменен приказ от 29 мая 2021 года № 114/1-Б о наложении дисциплинарного взыскания на Т.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 26 мая 2022 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения, апелляционная жалоба Т., Ш., Р. – без удовлетворения.

Кассационная инстанция подчеркнула, что удовлетворяя требования Т. о признании незаконным и отмене приказа № 114/1-Б от 29 мая 2021 года о наложении дисциплинарного взыскания и взыскании невыплаченной премии по итогам работы за май 2021 года, суд первой инстанции указал на нарушение порядка привлечения истца к дисциплинарной ответственности, поскольку работодателем не представлена возможность истцу представить письменные объяснения в течение двух рабочих дней, не указан пункт локального нормативного акта, который нарушил Т., не представлено доказательство наличия в действиях Т. состава дисциплинарного проступка.

Если письменное объяснение не будет предоставлено работником по истечении двух рабочих дней, то в соответствии с частью 1 статьи 193 ТК РФ работодатель обязан составить соответствующий акт. В акте, как правило, указывают: место и дату составления документа; фамилию, имя, отчество, должность составителя и работника; краткое описание предполагаемого нарушения трудовой дисциплины и правил трудового распорядка; предложение работнику дать письменное объяснение и его отказ фактический либо по умолчанию; объяснение того, в чем именно выразилось неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей.

Не будет считаться препятствием для применения дисциплинарного взыскания, если сотрудник не дает письменных объяснений. Также сам отказ работника дать письменные объяснения нельзя рассматривать как дисциплинарный проступок, так как это является его правом, а не обязанностью. В отличие от работодателя, для которого является обязанностью истребование от работника письменного объяснения. По сути, обязанностью работодателя является предложение дать объяснения по факту неисполнения трудовых обязанностей.

Распространенной проблемой при применении дисциплинарных взысканий является неопределенность по вопросу соблюдения двух-

дневного срока для получения объяснения сотрудника.

Многие работодатели не видят смысла удерживать работника на работе и применяют взыскание в тот самый день, когда работник ясно дал понять, что никаких объяснений он давать не будет. Стоит сказать, что в спорах некоторые суды принимают сторону работодателя. Они согласны, что правило о двух днях в данном случае можно проигнорировать. Судьи сходятся во мнении, что в случае отказа дать объяснения ТК РФ позволяет работодателю разрешить вопрос о привлечении работника к дисциплинарной ответственности до истечения двух дней. Право работника на представление объяснений в этом случае нарушено не будет. При таких обстоятельствах обязанность запрашивать письменные объяснения считается выполненной, а их представление является правом, но не обязанностью работника (см., например, Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2008 года № 36-В08-23).

Но есть и другая точка зрения на этот счет, прямо соответствующая ТК РФ, на наш взгляд. Судьи, принимающие решения в пользу работников, считают, что статья 193 ТК РФ не подразумевает исключений из правила о представлении работником объяснений. Поэтому, по их мнению, дисциплинарное взыскание может быть применено только по истечении двух дней после запроса письменных объяснений. Применение взыскания до истечения этого срока свидетельствует о нарушении работодателем требований закона и непредставлении работником объяснения мотивов проступка. А это является нарушением со стороны работодателя порядка наложения дисциплинарных взысканий (см., например, Решение Балаковского районного суда Саратовской области от 21.11.2019 по делу № 2-3-134/2019).

В целом считаем, что работодателю, который стремится избежать признания процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности незаконной, лучше предоставить работнику два рабочих дня для написания объяснения. Если по истечении этого времени объяснение не представлено, то нужно составить об этом акт.

Дисциплинарный проступок

После того, как работодатель соберет необходимые материалы и информацию, оценит их, может быть принято решение о виновности работника, о совершении им дисциплинарного проступка.

В соответствии с частью 1 статьи 192 ТК РФ под дисциплинарным проступком понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей.

Необходимо обратить внимание на разъяснение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2): «учитывая, что законом предусмотрено право работодателя досрочно отозвать работника из отпуска на работу только с его согласия (часть вторая статьи 125 ТК РФ), отказ работника (независимо от причины) от выполнения распоряжения работодателя о выходе на работу до окончания отпуска нельзя рассматривать как нарушение трудовой дисциплины» (пункт 37).

Установление факта наличия дисциплинарного проступка – важнейший аспект, исследуемый судами при рассмотрении исков граждан, оспаривающих законность привлечения их к дисциплинарной ответственности (безусловно, наряду с другими юридически значимыми обстоятельствами, такими как истребование объяснительной и др.).

Показательны в этом смысле выводы Первого кассационного суда общей юрисдикции в Определении от 04.10.2022 № 88-23201/2022. Так, судом было установлено, что М. обратился в суд с иском к ФКУ «ГБ МСЭ по Калужской области» Минтруда России о признании незаконным приказа о наложении дисциплинарного взыскания.

Решением Калужского районного суда Калужской области от 25 октября 2021 года в удовлетворении исковых требований М. отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Калужского областного суда от 14 июня 2022 года решение суда первой инстанции от 25 октября 2021 года отменено, по делу принято новое решение, которым признан незаконным и отменен приказ ФКУ «ГБ МСЭ по Калужской области» о наложении на М. дисциплинарного взыскания в виде выговора.

Судебная коллегия кассационной инстанции не нашла оснований для отмены вынесенного по делу апелляционного определения по следующим основаниям.

Как установлено судом и следует из материалов дела, с 11 марта 2012 года М. работает руководителем экспертного состава № 3 смешан-

ного профиля, врачом по медико-социальной экспертизе, хирургом в ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Калужской области» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Приказом исполняющего обязанности руководителя ФКУ «ГБ МСЭ по Калужской области» Минтруда России Ф. №-ок от ДД.ММ.ГГГГ М. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора за нарушение трудовой дисциплины, составление программы дополнительного обследования с целью консультации в ФГБУ «Федеральное бюро медико-социальной экспертизы» Минтруда России для решения вопроса о группе инвалидности ФИО9, вопреки решению, принятому большинством голосов специалистов, проводивших медико-социальную экспертизу.

Разрешая спор и отказывая в иске, суд первой инстанции, руководствуясь статьей 192 Трудового кодекса Российской Федерации, пунктом 25 Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации № 95 от 20 февраля 2006 года, пунктами 97, 105 Административного регламента по предоставлению государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы, пришел к выводу о доказанности нарушения истцом указанных в приказе положений должностной инструкции, Административного регламента и постановления Правительства.

С данными выводами суда первой инстанции не согласился суд апелляционной инстанции. Вопреки доводам кассационной жалобы суд апелляционной инстанции исходил из того, что представленные ответчиком материалы не подтверждают факт совершения истцом М. дисциплинарного проступка, за который он был привлечен к дисциплинарной ответственности приказом от 22 апреля 2021 года, ответчик достаточных доказательств в обоснование своих возражений в ходе рассмотрения дела не представил, законность наложения данного дисциплинарного взыскания не подтвердил.

Существуют также случаи в судебной практике, когда привлекали работника к дисциплинарной ответственности за невыполнение обязанностей, о которых он не знал, или обязанностей, которые не прописаны в локальных нормативных актах.

В пример можно привести решение Ярославского районного суда³, который рассмотрел

³ Решение Ярославского районного суда Ярославской области от 26 марта 2021 г. по делу № 2-1830/2020.

гражданское дело по иску Ю.А. Ноздрякова к АО «Ярдормост» об отмене приказа о дисциплинарном взыскании.

В обоснование иска он указал, что считает оспариваемый приказ незаконным, поскольку дополнительные должностные обязанности были возложены на истца незаконно, без его согласия, истец отказался подписывать приказ о возложении на него дополнительных обязанностей. Наложением дисциплинарных взысканий работодатель понуждал истца к увольнению.

Учитывая изложенное, суд пришел к выводу, что АО «Ярдормост» не доказано виновное невыполнение истцом каких-либо возложенных на него обязанностей, в связи с чем оспариваемый приказ надлежит признать незаконным.

Следует согласиться с высказанным в литературе предложением о том, что во избежание разногласий работника и работодателя по поводу трудовых функций имеет смысл наиболее точно определять объем и пределы выполняемых работником функций и задач, а также пределы ответственности перед работодателем. Подобные положения необходимо закреплять в документах, которые так или иначе будут фигурировать в момент заключения трудового контракта с работником. Также имеет смысл прописывать соответствующие положения в локальных нормативных актах организации о конкретных дисциплинарных требованиях и особенностях (Бушуев 2019, 184, 186).

Формально установленный работодателем дисциплинарный проступок может быть «нивелирован» наличием у работника уважительных причин. Приведем еще один пример нарушения со стороны работодателя в связи с тем, что работник был привлечен к дисциплинарной ответственности за отсутствие на рабочем месте, несмотря на то, что отсутствие было по уважительной причине. Так, Шатровский районный суд Курганской области рассмотрел гражданское дело по исковому заявлению В.А. Шарыпова к администрации Мехонского сельсовета Шатровского района Курганской области о снятии дисциплинарного взыскания в виде выговора⁴.

Как было установлено судом, В.А. Шарыпов отсутствовал на рабочем месте в связи с нахождением в судебном разбирательстве, о чем непосредственный руководитель Шарыпова, а именно начальник караула, был извещен, что подтверждается его показаниями, а также

показаниями главы администрации Мехонского сельсовета.

О судебном заседании Шарыпов был извещен СМС-уведомлением, поэтому судебная повестка для работодателя была им получена после рассмотрения дела в суде.

Судебная повестка была представлена истцом в бухгалтерию администрации Мехонского сельсовета, что не отрицает представитель ответчика, копия указанной повестки представлена ответчиком в материалы дела.

Таким образом, суд посчитал, что отсутствие В.А. Шарыпова на рабочем месте произошло по уважительной причине, с учетом времени нахождения в пути.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу об удовлетворении исковых требований В.А. Шарыпова и признании распоряжения о привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде выговора незаконным.

Выбор вида дисциплинарного взыскания

К видам дисциплинарных взысканий согласно части 1 статьи 192 ТК РФ относятся замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям. К дисциплинарным взысканиям, в частности, относится увольнение работника по основаниям, предусмотренным подпунктами 5, 6, 9 или 10 части 1 статьи 81, пунктом 1 статьи 336 или статьей 348.11 ТК РФ, а также пунктом 7, 7.1 или 8 части 1 статьи 81 ТК РФ в случаях, когда виновные действия, дающие основания для утраты доверия, либо соответственно аморальный проступок совершены работником по месту работы и в связи с исполнением им трудовых обязанностей.

Кроме того, федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине для отдельных категорий работников могут быть предусмотрены также и другие дисциплинарные взыскания (часть 2 статьи 192 ТК РФ).

Популярными среди работодателей, но, безусловно, незаконными дополнительными мерами дисциплинарной ответственности являются наложение штрафа или лишение премии, а также иных персональных надбавок (Осипова, Коршунова 2019, 51–53). Анализ проблем, связанных с легализацией штрафов и депремирования как разновидностей дисциплинарных взысканий, был проведен Д.А. Смирновым (Смирнов 2022, 30–41).

«Работодатель, налагающий на сотрудника дисциплинарное наказание, обязан придерживаться общих принципов, на которых строятся дисциплинарная и юридическая от-

⁴ Решение Шатровского районного суда Курганской области от 29 сентября 2020 г. по делу № 2-233/2020.

ветственность. Речь идет о справедливости, соразмерности, равенстве, вине, законности, неотвратимости, гуманизме» (Горохов 2011, 55). Прежде чем наложить дисциплинарное взыскание, работодатель принимает во внимание тяжесть совершенного проступка, обстоятельства, смягчающие вину сотрудника.

В пункте 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 указано: «...обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания или о восстановлении на работе и подлежащим доказыванию работодателем, является соблюдение им при применении к работнику дисциплинарного взыскания вытекающих из статей 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54 и 55 Конституции РФ и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности, таких, как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм.

В этих целях работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что работник совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка и обстоятельства, при которых он был совершен (часть пятая статьи 192 ТК РФ), а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду.

Если при рассмотрении дела о восстановлении на работе суд придет к выводу, что проступок действительно имел место, но увольнение произведено без учета вышеуказанных обстоятельств, иск может быть удовлетворен.

Однако в указанном случае суд не вправе заменить увольнение другой мерой взыскания, поскольку в соответствии со статьей 192 Кодекса наложение на работника дисциплинарного взыскания является компетенцией работодателя».

Аналогичная позиция закреплена и в Определении Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 2770-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Денискиной Натальи Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации»: «Решение работодателя о наложении на работника дисциплинарного взыскания может быть проверено судом, который действует не произвольно, а исходит из общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности (в частности, таких как справедливость, соразмерность, законность) и устанавливает

как факт совершения дисциплинарного проступка, так и соразмерность наложенного на работника дисциплинарного взыскания, оценивая всю совокупность конкретных обстоятельств дела».

На особую роль Верховного Суда РФ в целом и в связи с наложением дисциплинарных взысканий в частности обращается внимание и в литературе (Головина, Лютов 2022). Так, подчеркивается, что Верховный Суд РФ в пункте 53 Постановления Пленума от 17 марта 2004 года № 2 добавляет к списку того, что работодатель должен учитывать при применении дисциплинарного взыскания к работнику (тяжесть проступка работника, а также обстоятельства, при которых он был совершен) обязанность работодателя также изучить предыдущее поведение работника и его отношение к работе. Более поздние решения Верховного Суда РФ по конкретным делам еще больше расширяют этот перечень обязанностей работодателей в отношении дисциплинарной процедуры и ссылаются на необходимость учета стажа работы работника у конкретного работодателя и возможности работодателя применить другой, более легкий вид дисциплинарного взыскания (например, Определения Верховного Суда РФ от 18 июня 2018 года № 66-КГ18-8, от 2 декабря 2019 года № 9-КГ19-13, от 16 сентября 2019 года № 5-КГ19-106, от 20 апреля 2020 года № 26-КГ20-3, от 24 августа 2020 года № 18-КГ20-37, от 17 августа 2020 года № 57-КГ20-9-К1, от 13 июля 2020 года № 16-КГ20-5, от 22 июня 2020 года № 13-КГ20-1-К2, от 16 марта 2020 года № 26-КГ19-13). Таким образом, можно говорить о стабильной правовой позиции Верховного Суда РФ, направленной на расширение границ принципа соразмерности дисциплинарных взысканий, который он транслирует не только нижестоящим судам, но и работодателям, чье право применять дисциплинарные взыскания в виде увольнения работника существенно ограничивается.

«Указание на необходимость оценки предшествующего поведения работника и его отношения к труду было добавлено Верховным Судом Российской Федерации к указанным в законе характеристикам деяния работника в целях унификации межотраслевого подхода к наказаниям, где особенности личности наказываемого лица принято учитывать для индивидуализации ответственности. При этом личность работника к тяжести проступка отношения не имеет и учитывается не при квалификации деяния (как тяжесть

проступка), а при избрании вида взыскания» (Драчук 2021, 65).

В соответствии с частью 1 статьи 192 ТК РФ работодатель реализует свое право применить меру взыскания к нарушителю внутреннего трудового распорядка или ограничиться иными средствами воспитательного воздействия. Результативность дисциплинарного взыскания во многом зависит непосредственно от этой стадии дисциплинарного производства. Воспитательная роль этой стадии зависит и от персоны работника, от степени его профессиональной подготовки, правовой и высоконравственной культуры. Данное действие является сложным и ответственным для работодателя в рабочем процессе (Абрамова 2006, 16–22).

В ТК РФ не установлена иерархия взысканий, т. е. нет обязанности последовательно применять к работнику сначала замечание, потом выговор, а затем увольнение. Однако показательны рассуждения Конституционного Суда РФ в Определении Конституционного Суда РФ от 17.12.2008 № 1060-О-П «По жалобе федерального государственного унитарного предприятия «Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», где отмечается: «Между тем помимо увольнения Трудовой кодекс Российской Федерации в статье 192 в качестве дисциплинарных взысканий за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, устанавливает замечание и выговор (часть первая), при этом в силу части пятой данной статьи при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.

Тем самым федеральный законодатель предусмотрел, что увольнение работника – крайняя, наиболее тяжелая по последствиям мера дисциплинарного взыскания – может быть применено лишь в тех случаях, когда тяжесть совершенного проступка и обстоятельства его совершения исключают применение более мягких мер дисциплинарного взыскания в виде выговора или замечания».

В качестве примера можно привести Определение Судебной коллегии по гражданским

делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.02.2022 № 25-КГ21-17-К4. Так, было установлено, что А.С. Желтова 20 апреля 2020 года обратилась в суд с иском к ООО «Терминал» о признании приказов незаконными, положений должностной инструкции недействующими, восстановлении на работе, внесении изменений в трудовую книжку, взыскании утраченного заработка за время вынужденного прогула.

Решением Ленинского районного суда г. Астрахани от 29 июня 2020 года в удовлетворении исковых требований А.С. Желтовой отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 23 сентября 2020 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2021 года решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставлены без изменения.

В поданной в Верховный Суд Российской Федерации кассационной жалобе ставится вопрос об отмене принятых по делу судебных постановлений как незаконных.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению.

Так, судебной коллегией, в частности, было установлено, что в нарушение положений Трудового кодекса Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению суды первой и апелляционной инстанций оставили без внимания факт непредставления ответчиком в материалы дела доказательств, свидетельствующих о том, что при принятии работодателем в отношении А.С. Желтовой решения о наложении на нее дисциплинарного взыскания в виде увольнения с занимаемой должности (приказ от 10 апреля 2020 года) учитывались тяжесть вменяемого ей в вину дисциплинарного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен, а также предшествующее поведение А.С. Желтовой, ее отношение к труду.

При таких обстоятельствах решение Ленинского районного суда г. Астрахани от 29 июня 2020 года, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 23 сентября 2020 года и определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции

от 18 февраля 2021 года нельзя признать законными, они приняты с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, повлиявшими на исход дела, без их устранения невозможна защита нарушенных прав и законных интересов А.С. Желтовой, что согласно статье 390.14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации является основанием для отмены указанных судебных постановлений и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Аналогичную позицию занял суд в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2022 № 16-КГ22-22-К4.

Интересной представляется высказанная в литературе точка зрения о роли Верховного Суда РФ и соответствующие предложения об изменении действующего законодательства: «Верховный Суд ввел ряд дополнительных обязательств работодателей, которые теперь учитываются при разрешении трудовых споров об увольнении. Можно говорить об устойчивой правовой позиции Верховного Суда, направленной на расширение границ принципа соразмерности дисциплинарных взысканий, которую он транслирует не только судам нижестоящих инстанций, но и работодателям, право которых на применение дисциплинарных взысканий в форме увольнения работника значительным образом корректируется. Это можно расценивать как подход в пользу работников. Можно спорить о том, вышел ли Верховный Суд за рамки своих формальных полномочий, фактически осуществляя законотворческую функцию в сфере трудового права. Однако такой подход является реальностью сегодняшнего дня и достаточно эффективно способствует защите прав и законных интересов работников и работодателей. Тем не менее представляется актуальным вопрос о переносе некоторых устоявшихся положений, выработанных Верховным Судом, непосредственно в акты трудового законодательства, как это, например, произошло с правилом, дополнившим статью 192 ТК РФ требованием учитывать при наложении дисциплинарного взыскания тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен. Это будет способствовать единообразию в толковании и применении норм трудового права и укреплению законности в сфере трудовых отношений» (Головина, Лютов 2022, 52–67).

Сроки привлечения к дисциплинарной ответственности

Работодатель, привлекающий сотрудника к дисциплинарной ответственности, обязан придерживаться сроков наложения дисциплинарного взыскания. Так, дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня выявления конкретного правонарушения, что прямо предусмотрено трудовым законодательством. Следует также обратить внимание, что в срок не включается время, когда работник отсутствовал на работе в связи с болезнью, нахождением в отпуске, время, необходимое на учет мнения представительного органа работников (часть 3 статьи 193 ТК РФ).

Необходимо дать некоторые пояснения по поводу времени, необходимого на учет мнения представительного органа работников. Согласно части 2 статьи 82 ТК РФ «увольнение работников, являющихся членами профсоюза, по основаниям, предусмотренным пунктами 2, 3 или 5 части первой статьи 81 настоящего Кодекса, производится с учетом мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в соответствии со статьей 373 настоящего Кодекса». В данном случае нас интересует пункт 5 части 1 статьи 81 ТК РФ, так как увольнение по этому основанию относится к дисциплинарным взысканиям, перечисленным в части 3 статьи 192 ТК РФ. Если же по указанному основанию увольняются руководители (их заместители) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций, выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций структурных подразделений организаций (не ниже цеховых и приравненных к ним), не освобожденные от основной работы, необходимо учитывать мотивированное мнение соответствующего *вышестоящего* (курсив автора. – С. О.) выборного профсоюзного органа (часть 5 статьи 374 ТК РФ).

Некоторые нюансы исчисления месячного срока для применения дисциплинарного взыскания разъясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2. А именно, в соответствии с пунктом 34 следует иметь в виду, что:

- а) месячный срок для наложения дисциплинарного взыскания необходимо исчислять со дня обнаружения проступка;
- б) днем обнаружения проступка, с которого начинается течение месячного срока, считается день, когда лицу, которому по работе

(службе) подчинен работник, стало известно о совершении проступка, независимо от того, наделено ли оно правом наложения дисциплинарных взысканий;

в) в месячный срок для применения дисциплинарного взыскания не засчитывается время болезни работника, пребывания его в отпуске, а также время, необходимое на соблюдение процедуры учета мнения представительного органа работников (часть третья статьи 193 ТК РФ); отсутствие работника на работе по иным основаниям, в том числе и в связи с использованием дней отдыха (отгулов) независимо от их продолжительности (например, при вахтовом методе организации работ), не прерывает течение указанного срока;

г) к отпуску, прерывающему течение месячного срока, следует относить все отпуска, предоставляемые работодателем в соответствии с действующим законодательством, в том числе ежегодные (основные и дополнительные) отпуска, отпуска в связи с обучением в учебных заведениях, отпуска без сохранения заработной платы.

Кроме того, согласно пункту 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 при рассмотрении дел о восстановлении на работе лиц, трудовой договор с которыми расторгнут по подпункту «г» пункта 6 части первой статьи 81 ТК РФ, суды должны учитывать, что установленный месячный срок для применения такой меры дисциплинарного взыскания исчисляется со дня вступления в законную силу приговора суда либо постановления судьи, органа, должностного лица, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Законодатель требует учитывать и момент совершения проступка. Так, дисциплинарное взыскание может быть применено не позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии, проверки финансово-хозяйственной деятельности, аудиторской проверки – не позднее двух лет со дня его совершения.

Дисциплинарное взыскание за несоблюдение ограничений и запретов, неисполнение обязанностей, установленных законодательством РФ о противодействии коррупции, не может быть применено позднее трех лет со дня совершения проступка. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу.

Оформление применения дисциплинарного взыскания и его обжалование

В отличие от поощрений за каждый дисциплинарный проступок дисциплинарное взыскание может быть применено только одно (часть 5 статьи 193 ТК РФ). Для дисциплинарного взыскания свойственно обязательное оформление в соответствующей форме, в виде приказа, распоряжения. В этом документе работодатель указывает дисциплинарный проступок, совершенный работником, время его совершения, меру взыскания.

Следует отметить, что иногда законодательством требуется в качестве гарантии для работников предварительное согласование избранного работодателем дисциплинарного взыскания с соответствующим органом. Такое согласие требуется, например, в следующих случаях:

1. Представители работников, участвующие в коллективных переговорах, в период их ведения не могут быть без предварительного согласия органа, уполномочившего их на представительство, подвергнуты дисциплинарному взысканию, переведены на другую работу или уволены по инициативе работодателя, за исключением случаев расторжения трудового договора за совершение проступка, за который в соответствии с ТК РФ, иными федеральными законами предусмотрено увольнение с работы (часть 3 статьи 39 ТК РФ).

2. Расторжение трудового договора с работниками в возрасте до восемнадцати лет по инициативе работодателя (за исключением случая ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) помимо соблюдения общего порядка допускается только с согласия соответствующей Государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (статья 269 ТК РФ).

Изданный приказ (распоряжение) о применении дисциплинарного взыскания объявляется работнику под расписку в течение 3 рабочих дней со дня его издания, не считая времени отсутствия работника на работе. Если работник отказывается ознакомиться под роспись, то составляется акт (часть 6 статьи 193 ТК РФ).

Работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только до момента увольнения. При этом необходимо иметь в виду, что работодатель вправе применить к работнику дисциплинарное взыскание и тогда, когда он до совершения проступка подал заявление о расторжении трудового договора по своей инициативе, поскольку трудовые отношения в данном случае прекращаются лишь по истечении срока предупреждения об увольнении (пункт 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2).

Важной гарантией для работника является возможность обжалования дисциплинарного взыскания в Государственную инспекцию труда и (или) в органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров (часть 7 статьи 193 ТК РФ). К органам по рассмотрению индивидуальных трудовых споров относятся комиссия по трудовым спорам (далее – КТС) и суд, если иное не установлено ТК РФ (статья 382 ТК РФ). В статьях 356–357 ТК РФ закреплены основные полномочия федеральной инспекции труда и права государственных инспекторов труда. В КТС работник может обратиться в течение 3 месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права (часть 1 статьи 386 ТК РФ), где заявление подлежит рассмотрению в течение 10 календарных дней (часть 2 статьи 387 ТК РФ). Но, если на работника наложено дисциплинарное взыскание в виде увольнения, он может обжаловать его только в суд, причем в течение 1 месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления работнику в связи с его увольнением сведений о трудовой деятельности у работодателя по последнему месту работы. Наложение взыскания в виде замечания или выговора обжалуются в срок, аналогичный обращению в КТС, 3 месяца (часть 1 статьи 392 ТК РФ). Срок обращения в КТС и суд, пропущенный по уважительной причине, может быть восстановлен.

Сотрудники часто обращаются в суды с исками о снятии дисциплинарных взысканий в виде замечания и выговора. Нередко основаниями обращений являются требования об отмене дисциплинарных взысканий в виде увольнения.

Давно сформированная практика в отношении сложности применения мер дисциплинарного взыскания, включая увольнение, становится еще жестче. Конфликты с руководством, неточность при формулировании трудовой функции и обязанностей работника могут повлечь признание дисциплинарного взыскания недействительным

и взыскание денежных средств за вынужденный прогул (Митрахович 2022, 43–44).

Сложно поддержать высказанное в литературе предложение о «передаче судам компетенции по применению мер дисциплинарного взыскания, а не по их оценке, одновременно с разрешением вопроса о применении мер материальной ответственности в случае, когда дисциплинарным проступком работника работодателю был причинен подлежащий возмещению ущерб» (Драчук 2021, 65). Полагаем, применение дисциплинарного взыскания должно оставаться исключительной компетенцией работодателя.

Выводы

Подводя итоги, можно заметить, что на практике существуют проблемы, касающиеся порядка применения дисциплинарных взысканий по отношению к работнику. Именно на работодателе лежит обязанность доказывать виновность работника в совершении дисциплинарного проступка и законность наложения дисциплинарного взыскания. Однако нет окончательного и закрытого перечня именно тех фактов, которые подлежат доказыванию работодателем. Есть общие понятия, но обстоятельства, которые подлежат доказыванию, в настоящее время не установлены, а это является одним из пробелов действующего законодательства.

Судебная практика показывает, что работодатели не всегда правильно применяют нормы трудового законодательства при наложении дисциплинарных взысканий. А именно, не соблюдается порядок привлечения работников к дисциплинарной ответственности, не учитываются сроки наложения взысканий, тяжесть дисциплинарного проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду. Следует признать, что это скорее проблемы правоприменения, нежели пробелы в правовом регулировании.

Библиография

Абрамова, Ольга В. 2006. “Совершенствование законодательства о поощрении”. *Трудовое право* 4: 16–22. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9225508>. EDN: <https://www.elibrary.ru/htwyah>.

Бушуев, Данил О. 2019. “Проблемные аспекты процедуры привлечения работников к дисциплинарной ответственности”. *Трансформация права в информационном обществе: материалы II Всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов*. Екатеринбург: 181–189. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42869657>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bwewxa>.

Головина, Светлана Ю., Никита Л. Лютов. 2022. “Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права?” *Журнал российского права* 26(10): 52–67. <http://doi.org/10.12737/jrl.2022.105>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cpclq>.

Горохов, Борис А. 2011. *Трудовые споры. Чему не учат студентов: учебно-практическое пособие*. Москва: Проспект. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22324901>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sunyaj>.

Гусов, Кантемир Н., Юрий Н. Полетаев. 2008. *Ответственность по российскому трудовому праву*: научно-практическое пособие. Москва: Проспект. <https://libcats.org/book/631082>.

Драчук, Мария А. 2021. “Тяжесть дисциплинарного проступка работника”. *Правоприменение в публичном и частном праве*: материалы Международной научной конференции. Омск: 61–66. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46462454>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vsmlwy>.

Иванова, Ольга А. 2021. “Дисциплинарная ответственность работников кредитных организаций”. *Oeconomia et Jus* 4: 53–63. <http://doi.org/10.47026/2499-9636-2021-4-53-63>. EDN: <https://www.elibrary.ru/awmjve>.

Магальясова, Валентина А. 2022. “Особенности привлечения к дисциплинарной ответственности работников, занятых в сельском хозяйстве”. *Эпомен* 71: 130–137. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48497643>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ajqdfm>.

Митрахович, Алла. 2022. “Увольнение недобросовестного работника”. *Трудовое право* 10: 37–44. <https://nplaw.ru/upload/iblock/ea1/ea106af0b84cafa94c610b9e258b5fc6.pdf>.

Осипова, Светлана В., Светлана Д. Коршунова. 2019. “Дисциплинарные взыскания в трудовом праве”. *Проблемы современной науки и образования* 7(140): 51–53. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39194277>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dfzcgp>.

Смирнов, Дмитрий А. 2022. “О легализации штрафа и депремирования как мер дисциплинарной ответственности”. *Вестник трудового права и права социального обеспечения* 16: 30–41. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49616688>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lkngpo>.

References

Abramova, Olga V. 2006. “Improving legislation on incentives”. *Trudovoe pravo* 4: 16–22. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9225508>. EDN: <https://www.elibrary.ru/htwyah>. (In Russian)

Bushuev, Danil O. 2019. “Problem aspects of the procedure for attracting employees to disciplinary responsibility”. In: *Transformation of law in the information society*: proceedings of the II All-Russian research and practical forum of young scientists and students. Yekaterinburg: 181–189. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42869657>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bwewxa>. (In Russian)

Golovina, Svetlana Yu., Nikita L. Lyutov. 2022. “Is the Supreme Court a law maker in the field of labor law?”. *Journal of Russian Law* 26(10): 52–67. <http://doi.org/10.12737/jrl.2022.105>. EDN: <https://www.elibrary.ru/cpqlqj>. (In Russian)

Gorokhov, Boris A. 2011. *Labor disputes. What students are not taught*: textbook. Moscow: Prospekt. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22324901>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sunyaj>. (In Russian)

Gusov, Kantemir N., Yuri N. Poletaev. 2008. *Responsibility under Russian labor law*: research and practical guide. Moscow: Prospekt. <https://libcats.org/book/631082>. (In Russian)

Drachuk, Maria A. 2021. “Severity of the employee's disciplinary offence”. In: *Law enforcement in public and private law*: proceedings of the International scientific conference. Omsk: 61–66. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46462454>. (In Russian)

Ivanova, Olga A. 2021. “Disciplinary responsibility of credit institutions employees”. *Oeconomia et Jus* 4: 53–63. <http://doi.org/10.47026/2499-9636-2021-4-53-63>. EDN: <https://www.elibrary.ru/awmjve>. (In Russian)

Magalyasova, Valentina A. 2022. “Features of involving workers worked in agriculture to disciplinary responsibility”. *Epomen* 71: 130–137. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48497643>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ajqdfm>. (In Russian)

Mitrakhovich, Alla. 2022. “Firing an unscrupulous worker”. *Trudovoe pravo* 10: 37–44. <https://nplaw.ru/upload/iblock/ea1/ea106af0b84cafa94c610b9e258b5fc6.pdf>. (In Russian)

Osipova, Svetlana V., Svetlana D. Korshunova. 2019. “Disciplinary punishments in labor law”. *Problems of Modern Science and Education* 7(140): 51–53. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39194277>. EDN: <https://www.elibrary.ru/dfzcgp>. (In Russian)

Smirnov, Dmitry A. 2022. “On the legalization of fines and deprivation as disciplinary measures”. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya* 16: 30–41. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49616688>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lkngpo>. (In Russian)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

I. Общие положения

«Юридический аналитический журнал» выходит 4 раза в год и принимает к публикации на русском и английском языках статьи, которые обладают актуальностью, научной новизной и содержат ранее неизвестные или не разработанные области правотворчества и правоприменения, а также отражают конструктивные предложения по совершенствованию законодательства, новые авторские концепции, направленные на развитие юридической науки.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру: индекс УДК (<http://teacode.com/online/udc>), заглавие статьи, И.О.Ф. автора, степень, звание, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, e-mail автора, аннотация, ключевые слова, конфликт интересов, а также при наличии автор может указать благодарность и источник финансирования. Все указанные сведения должны быть представлены на русском и английском языках. Далее идет текст статьи библиография.

- Междустрочный интервал – полуторный, цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14, размер всех полей – 2 мм. Абзацный отступ – 1,25 мм. Допустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым.
- Рекомендованный объем не менее 40-60 тыс. знаков с пробелами (1–1,5 п.л.).
- Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.
- Электронный вариант статьи может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: yuzh@ssau.ru (в данном случае все вышеперечисленные требования к компьютерному набору полностью сохраняются).
- Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается.

II. Требования к оформлению статей в журнале

1. Материалы статьи должны содержать существенные, законченные и еще не опубликованные результаты научных исследований.

2. Текст статьи должен быть структурно разбит на разделы: Введение, Основное Исследование, Выводы, Библиография.

Структура статьи на английском языке должна включать следующие элементы: Introduction, Maintext, Conclusion, References.

3. Аннотация (краткое описание статьи) должна отражать основную мысль научного исследования, быть информативной, оригинальной и сжатой. Объем аннотации – 200–300 слов. Аннотация должна состоять из следующих блоков: обоснование проводимого исследования, методы, результаты, заключение (включающее подтверждение научной новизны статьи).

Приветствуется, если аннотация на английском языке будет более развернутой, чем на русском. В англоязычной аннотации желательно предусмотреть – введение и заключение (основные тезисы), раскрыть структуру статьи, цель и основные результаты исследования, а также область их применения.

4. Ключевые слова представляют собой отдельные термины (слова или их сочетания), которые являются основными для понимания содержания статьи. Объем ключевых слов – 5–10 слов или словосочетаний без учета предлогов, союзов и т. п.

5. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в сносках. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Весь иллюстративный материал (графики, схемы, фотографии) именуется рисунками, имеет сквозную порядковую нумерацию и представляется в черно-белом варианте.

6. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

7. В статье обязательным элементом является **список используемых источников (библиография)**. Библиография представляет собой список литературы на языке оригинала. Библиография и ссылки оформляются в соответствии с рекомендациями Chicago Manual of Style (см. https://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide/citation-guide-2.html).

- **Библиография на русском языке** должна быть построена в алфавитном порядке (без нумерации). После в продолжении оформляется в алфавитном порядке иностранная литература. Отдельно оформляется References в алфавитном порядке, в том случае, если источник опубликован на языке, использующем систему письменности не на основе латиницы (кириллица, иероглифы и т.д.), в описание добавляется указание языка публикации – (InRussian), (InChinese).
- **Список References** включает в себя все источники из библиографии.
- Для транслитерации с кириллицы можно воспользоваться сайтом <https://translit.ru/lc/>. Источники, в основе которых лежит латиница, приводятся в References без транслитерации, в таком же виде, как они представлены в библиографии.
- В библиографию не включаются анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.). Такие источники описываются в постраничных сносках.
- Не рекомендуется использовать в библиографии труднодоступные, неопубликованные, локальные образовательные источники: авторефераты диссертаций, газеты, неопубликованные отчеты, учебные пособия и учебники.
- В случае необходимости (пояснений) возможно по тексту использование сносок в сплошной нумерации.
- Все цитируемые в тексте нормативные правовые акты и судебные решения оформляются в виде ссылок и отражаются с указанием содержания сайта информационно-справочной системы, к примеру, КонсультантПлюс или официального источника опубликования с указанием даты последней редакции. Пример: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ в ред. от 31.07.2020. КонсультантПлюс. Дата обращения 1 сентября 2020. <http://www.consultant.ru>.
- Ссылки на нормативные источники и судебные решения в библиографию не включаются.

III. Предоставление сведений об авторе (авторах) статей

Дополнительно к сведениям об авторе (авторах) в рукописи статьи, приводимым в соответствии с перечисленными ранее требованиями, к статье в отдельном файле прилагается анкета автора. Анкета отдельно заполняется на каждого автора.